

ДАРЬЯ КОЖЕВНИКОВА

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ПОБЕГ
В ПУСТОТУ

Дарья Сергеевна Кожевникова
Побег в пустоту
Серия «Опасные страсти.
Остросюжетные мелодрамы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41559103
Побег в пустоту: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-100554-2

Аннотация

Агафье не везло в жизни: детский дом, сожитель-садист, неподъемный кредит и потеря желанного ребенка. Казалось, выхода нет. Но, занявшись расследованием собственного происхождения, Агафья обнаружила, что у нее есть старшая сестра Анжела, судьба которой сложилась совсем по-другому. Ее удочерили, дали отличное образование, и теперь Анжелка – преуспевающий дизайнер интерьеров. Единственное сходство между сестрами – это внешность! Доведенная до отчаяния, Агафья решила на страшное преступление, чтобы занять место сестры. Теперь она – Лика, модный дизайнер, владелица шикарного дома, автомобиля и полноправный член общества. Но, оказывается, в жизни сестры тоже есть тайны, которые не дают ей спокойно жить...

Содержание

1	5
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дарья Кожевникова

Побег в пустоту

© Кожевникова Д.С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Ира шла домой медленно. Не потому, что устала, а потому, что задумалась. До полочки оставалось больше недели, а в кошельке денег было едва на пару дней. Вот и требовалось придумать, как же совместить две несовместимые вещи: отсутствие денег и почти десять дней жизни. Получалось не слишком удачно, потому что долг в ее планы не входил. Ведь это означало влезть в кабалу уже на следующий месяц. Мысленно Ира начала ревизию своих продуктовых запасов: если сидеть только на крупах, забыв про кофе, молоко и прочие «изыски», удастся обойтись или нет? Но тут же вздохнула: она забыла о транспортных расходах. А без них уж точно никак! Ну, и каким же образом выживать в такой ситуации?! Тут по склоненной Ириной голове, словно желая ее утешить, мягко скользнул падающий осенний листок. Прощелся по волосам, тенью мелькнул перед лицом и спланировал под ноги. Только откуда он мог взяться в отнюдь не осеннее время года?! Ира едва успела удивиться, как обнаружила, что это и не листок вовсе! Она резко остановилась, глядя на купюру, упавшую прямо возле ее ног. Господь ей, что ли, решил помочь в трудный час? Она торопливо нагнулась и подняла банкноту. Настоящая ли? Не из «банка приколов»? Нет, на ощупь совсем не фальшивка. Но откуда она появилась? Никто из прохожих за Ирой не спешил. Сверху

упала? Вскинув голову, Ира оглядела окна многоэтажки, мимо которой сейчас проходила. Но ни из одного окна никто не выглядывал в попытке разглядеть внизу свою упавшую собственность. Все больше начиная верить в чудо, Ира уже как-то по-хозяйски сложила денежку пополам. Стоп! А на ней, кажется, что-то написано! Девушка перевернула купюру другой стороной. Да, шариковой ручкой там было выведено всего одно слово: «Помогите!» И все! Ни кому помочь, ни где искать этого нуждающегося в помощи человека! Сойдя с тротуара, Ира снова оглядела светящийся окнами фасад: не выглянет ли все-таки кто-нибудь? Но ни в темных окнах, ни в светлых не было видно замершего в ожидании силуэта. Так кто же этот шутник, который вначале зовет на помощь столь оригинальным образом, а потом никак не дает знать о себе? Ира постояла еще пару минут, ожидая, что он появится. Но так ничего и не дождавшись, двинулась дальше, по своим делам. С купюрой, нашедшей приют в кармане ее куртки: она слишком сейчас нуждалась в деньгах!

* * *

Агафья... Агафья... Она старалась забыть это имя. Стереть его из памяти, вычеркнуть из своей жизни. Да, пока что ее звали именно так. Имя всегда ей казалось каким-то тяжелым, как груз судьбы на плечах. Не то что у сестры, легкое и летящее – Анжелика. Но скоро все изменится. Осталось

недолго.

Она стояла у окна, не включая свет, – в убогой съемной квартире на первом этаже почти аварийного дома не на что было смотреть. Поэтому, прижавшись лбом к стеклу, она смотрела на то, что было за пределами этих стен: на освещенные окна других домов и на тени за висящими на них шторами. На пешеходов, идущих по тротуару, каждый в своем темпе и со своим выражением лица. На не слишком ухоженные газоны под кронами старых деревьев. На машины, пытающиеся там парковаться и окончательно эти газоны добить. Люди жили, двигались, разговаривали. У каждого были свои проблемы и радости, свои планы на вечер. И никому из них не было никакого дела до Агафьи в ее темной комнате. Поведя плечами, она вспомнила, как вот так же, прижавшись к стеклу лицом, стояла в роддоме. В пустынной нише коридора, куда практически не проникало ночное больничное освещение. И где больше не было ни души – пост медсестры отсюда не виден, и роженицы после отхода ко сну мимо не снуют, не то что днем. После отбоя Агафья могла выйти из палаты и спокойно здесь постоять, отдыхая от соседок. Наконец-то совсем одна! И она отдыхала, глядя в окно. В то, роддомовское, окно был виден целый парк, за которым расправленной лентой протянулась объездная дорога. Парк раскинулся в низине, а дорога шла по возвышенности, так что он ее не скрывал. И Агафья подолгу смотрела на нее, не отрывая глаз. Машины, в основном тяжелые

фуры, проходящие мимо города, скользили по ней теплыми, практически бесшумными с такого расстояния огоньками. И лишь когда они уже проносились, скрываясь за поворотом и вслед за своими габаритными огнями снова оставляя на дороге тоскливую темноту, до слуха Агафьи, словно прощальный привет, с угасающими красными искрами габариток долетал недолгий и низкий звук их двигателя. Даже странно как-то было! Едут мимо почти не слышно, и вот уже перед тем, как скрыться, вдруг дают о себе знать этим низким прощальным рокотом-аккордом. Или, может, зовут ее за собой? В теплый и светлый мир из того сумрака и одиночества, в котором она находилась сейчас? В какой-то момент Агафье безумно захотелось сбежать из отделения прямо сейчас, добраться до трассы и, тормознув с обочины первый же грузовик, уехать в его кабине прочь. Куда глаза глядят, лишь бы подальше отсюда. Но двери роддома в это позднее время уже должны быть закрыты, а она еще слишком слаба. А главное, где гарантия, что, тормознув машину, она не встретит в ней такого же уroda, из-за которого попала сюда? Жизнь не учила Агафью верить людям. Наоборот, с каждым ее новым уроком молодая женщина постигала истину, что верить нельзя вообще никому. И доверяться тоже. А уж тем более – кого-то любить. Она вот по глупости попалась на эту удочку. Влюбилась без памяти, молиться на Ваньку была готова. А он, для начала поиграв в романтику, быстро осознал, что она в его власти. И вместо того чтобы ответить на ее чувства вза-

имностью, скинул с себя маску любящего мужчины да начал эксплуатировать ее без зазрения совести. А она охотно ему это позволила, потому что продолжала верить в ту сказку, которую он показал ей вначале, и упорно цеплялась за свои ускользающие миражи. Она работала, она вела домашнее хозяйство, стараясь во всем угодить своему «хозяину». А он не работал и не помогал, он только жил в ее квартире и требовал. Потом еще и избивать начал, когда напивался, даже если она ухитрялась ни в чем не провиниться. А уж если блюдо не удалось, или пыль обнаружилась, или если она кому-то на улице вдруг улыбнулась, или ему показалось, что она это сделала... расплата была одна: ногами или кулаком, а иногда и тем, и другим. В конце концов их отношения дошли до того, что если он желал ее поощрить, то просто воздерживался от удара. В тот день, когда он впервые поднял на нее руку, Агафья ему это простила в своей слепой и безграничной любви. Потом – еще раз. И еще. Все надеялась, что он одумается, поняв, как она его любит, и раскается. Но он только распоясывался от своей безнаказанности. Так что в конце концов ей пришлось отказаться от своих надежд, а вместо этого научиться ожидать, получать и терпеть. И она смирялась со своей судьбой до тех пор, пока однажды в ней что-то не перемкнуло и она, в очередной раз превозмогая боль из-за синяков и отбитых ребер, пробираясь из кухни в ванную почти ползком, в то время как Ванька уже храпел на диване, не взглянула на себя со стороны. Оказалось, это очень полез-

ное дело, которым стоило заниматься почаще. Потому что при этом она вдруг осознала, во что превращает свою жизнь. Забитая рабыня в беспросветном сером тоннеле, в котором есть только одно направление, все глубже уводящее в топкую безнадежность. И при этом рядом с ней находится человек, к которому из всех чувств у нее осталась только привычка. И страх, который он ей внушал. Любви не осталось. Агафья даже не заметила, как и когда это произошло! Но все же, когда к ней впервые пришла мысль о том, что его надо бросить, она отогнала ее прочь. Идти было некуда – раз. Квартирка была единственным ее жильем, вообще единственным, что у нее было своего после выпуска из детдома. Но даже если Агафья решится навсегда ее бросить – пытаться выгнать оттуда Ваньку она даже не помышляла – это могло не спасти положения. Потому что он мог ее отыскать, и чем бы это закончилось, даже подумать страшно – это два. А три... Сейчас в ее жизни есть хотя бы он, а если она от него все-таки сумеет сбежать, то останется один на один с пустотой, в которой не будет даже такой малости, как этот тиран, который хоть иногда, исключительно по своей прихоти, но все же одаривал ее минутами ласки.

Пока она решалась, набираясь смелости, пока взвешивала все «за» и «против» такого поступка, в ее планы решила вмешаться судьба. Или, в данном случае, скорее рок, потому что меньше всего Агафья ожидала забеременеть.

Стоя у окна убогой съемной квартирки, на первом этаже

старого жилого фонда, с его толстыми стенами, но чуть живыми деревянными полами, по которым периодически бегала как минимум одна крыса, Агафья потерла рукой переносицу. Ванька всегда ее бил очень профессионально. Сколько боли, сколько налившихся свинцовыми тучами синяков – и ни единого шрамика! Ну, почти. Теперь это ей на руку не только с эстетической точки зрения. В том, что она задумала, лишние опознавательные знаки вообще ни к чему. Потому что, насколько Агафья знала, у Анжелки никаких шрамов не было. Она тихонько повторила вслух: «Агафья... Анжелика...» В самом деле, имена ли повлияли на то, что у них оказались такие разные судьбы? Или Анжелке просто повезло? По-крупному, и не раз. Вначале – когда ее удочерили, забрав из детского дома совсем еще маленькой. Раздобыть такую информацию практически невозможно, но Агафья узнала об этом случайно, благодаря цепочке каких-то почти мистических совпадений. Потом, начав тянуть за ниточку, она стала узнавать и подробности. Анжелкины приемные родители оказались, наверное, не слишком молодыми, потому что обоим уже не было на этом свете. Но они успели дать названной дочери образование, оставили ей квартиру, и не казенную коробку, с барского плеча отказанную сироте государством в захолустье, а хорошую, двухкомнатную, в центре мегаполиса. Еще – воспитали ее уважающим себя человеком, не бегающим по улице с прикованным к тротуару взглядом, не ждущим от окружающих только неприятностей и ниче-

го больше. Последние полгода Агафья внимательно изучала социальные сети сестры, сумев в них проникнуть под вымышленным именем – под ником довольно модного дизайнера, изменив там всего одну букву, так что это не бросалось в глаза. По крайней мере, Анжелка приняла ее в друзья, что позволило беспрепятственно получать информацию с ее страницы. Жизнь, окружение, знакомства, привычки – Агафье все теперь было доступно для изучения. Не зря, сбегая от Ваньки, из всех относительно ценных вещей она осмелилась прихватить с собой планшет. Потому что он был ей крайне необходим. Нет, тогда никакого плана у нее в голове еще не было. Наоборот, она, сумев попасть к Анжелке в друзья, читала записи на ее страничке с какой-то любовью. Или даже с чем-то большим, что вообще можно было испытывать, зная, что пишет единственный во всем мире родной тебе человек? Сестра была очень на нее похожа внешне. Или она на сестру? Порой, глядя на фотографии, Агафья испытывала странное ощущение, как будто глядится в волшебное зеркало. Почему в волшебное? Да потому, что при поразительном внешнем сходстве Ангела, конечно же, выглядела намного лучше, поскольку жизнь у нее была совершенно другой. Но Агафья ей не завидовала, нет – любовалась. Она мечтала однажды признаться Анжелке, кто она есть, встретиться с ней. Обнять, излить душу, остаться рядом. Но хорошо, что, уже почти на это решившись, вначале закинула вопрос: а как бы Анжелка отнеслась к тому, что у нее есть род-

ная сестра, выросшая в детдоме? Ответ ее, можно сказать, убил. Наверняка не зная о том, что и сама усыновлена и что, если бы не судьба, она тоже могла бы пополнить собой ряды детдомовской детворы, Анжелка ответила на заданный вопрос с такой презрительной брезгливостью, что Агафья, словно получив незаслуженную пощечину, весь вечер проплакала в подушку. А наутро встала с твердой мыслью о том, что никакой сестры у нее больше нет. И не было никогда. В самом деле, они ведь никогда ни разу даже не пересекались в этой жизни! Годовалую Анжелку отняли у матери, лишив ту родительских прав, когда Агафьи еще и в помине не было. А на Агафью мать уже и сама отказ написала, прямо в роддоме. Но к тому времени, когда она тоже попала в детдом, Анжелку как раз уже успели удочерить. Она ухватила счастливый лотерейный билетик, к раздаче которых не успела ее младшая, менее удачливая сестра. А на долю Агафьи выпало лишь случайно узнать имя их настоящей с Анжелкой матери, после чего, крупинка за крупинкой, подросшая девочка начала собирать информацию, можно сказать, о себе самой. В результате этих поисков она побывала в том дворе, где когда-то жила ее мать, невзначай побеседовала с соседками-старожилами. Потом получила крупную взбучку за побег из детдома, но оно того стоило, потому что именно от этих соседок она узнала не только о матери, но и о сестре. Дальше предстояла кропотливая работа в сложной обстановке – надо было ухитриться проникнуть в детдомовские архивы, еще

старые, бумажные. Перерыть там кучу пыльных папок в поисках всего лишь одной. Той, из которой она могла бы узнать об Анжелке, о ее дальнейшей судьбе и новых родителях. Искать приходилось в темноте, подсвечивая себе лишь фонариком, вздрагивая от каждого шороха под дверью. За провинности у них в детдоме по головке не гладили – быть может, именно поэтому Агафья ухитрилась смириться с Ванькиным рукоприкладством, хотя меньше всего ожидала этого, когда мечтала о своей будущей взрослой жизни и – обязательно! – о любви, которая ее ждет. О любви... Как мало человеку надо! Чтобы всего лишь кто-то любил! Любил, а не позарился бы, как Ванька, на сиротскую квартиру, сыграв на чувствах одинокой девчонки, чтобы потом устроиться со всеми удобствами и на всем готовом. Агафья криво усмехнулась, подумав о том, какое разочарование должно было его ждать, когда он обнаружил, что у него исчезли сразу служанка, повариха и кошелек в ее лице. Осталась пока что разве квартира, но, если подумать, то на нее у него тоже весьма призрачные права. До поры до времени он еще сможет приводить туда кого-нибудь, кто и дальше будет его обеспечивать водкой и всеми прочими радостями. Но после ее исчезновения настанет день, когда у него наверняка спросят, а на каком основании он занимает эту жилплощадь? И тогда он не найдет что сказать. И все его матюги, все его потрясения кулаками окажутся бесполезны в борьбе за квартиру, на которую у государства или у тех, кто его представляет на месте, навер-

няка окажутся свои виды. Так что останется ему, высказавшись, все-таки покинуть обжитое место, которое он наверняка уже считал своим, и проситься обратно, на порог к родственникам, однажды уже выгнавшим его за все его «подвиги». Правда, была у него альтернатива вскоре отыскать себе другую дурочку, чтобы по уже отработанной схеме прочно обосноваться у нее на шее. При мысли об этом Агафья едва сдержала мучительный стон. Нет, она все-таки еще любила его! Не зря так долго собиралась сбежать, хотя все складывалось так, что решиться на это следовало как можно быстрее. И даже теперь Агафья многое отдала бы за то, чтобы еще хоть ненадолго вернуться в те, прежние времена. Когда он, такой сильный и красивый, ухитрялся казаться еще и великодушным, и добрым. Когда виделся одинокой девчонке воплощением ее заветной мечты, ее ласковым солнышком в центре вселенной, еще не показывая своего истинного лица. И сумел влюбить ее в себя настолько, что она не один год терпела потом его издевательства.

Агафья тряхнула головой, едва не стукнувшись лбом о стекло. Лилька, ее детдомовская подружка, учила ее: «Гашка, себя надо любить! Только себя! Потому что каждый больше всего именно себя любит! Так что не рассчитывай, что на твою долю много достанется от других. Что сама себе дашь – с тем и будешь!»

Агафья не хотела верить в эти слова. Если она полюбит кого-то всей душой, самоабвенно, жертвенно, то разве он

не захочет отплатить ей таким же чувством? И только самой жизни при помощи жестоких уроков удалось убедить мечтательную девчонку в том, что нет, такого ждать не стоит. Ни от воспитателей, ни от любимого, ни даже от сестры. Может, ребенок ее бы любил? А может, и нет. Может, просто находился бы рядом до тех пор, пока она была ему нужна. Но этого узнать было уже не дано, потому что Ванькин пинок ей в живот не оставил несчастному малышу шансов появиться на свет живым. Особенно после того, как Ванька не сразу вызвал «Скорую», вначале посчитав ее конвульсии на полу притворством и попытавшись «вылечить» их еще несколькими пинками. Потом, правда, было раскаяние, но лишь до тех пор, пока обнадеженная его лаской Агафья не заявила следователю, что упала сама. После чего все Ванькино раскаяние как рукой сняло, и он перестал ходить в больницу, в которой она провела почти месяц после неудачных родов и кровопотери. А она продолжала его ждать, хотя умом уже прекрасно все понимала. Как понимала и то, что без ребенка ей сейчас будет легче, проще и даже где-то спокойнее, потому что не надо будет бояться еще и за него каждый раз, когда Ванька будет выходить из себя. А он стал бы это делать все чаще, если бы Агафья, сидя с ребенком, перестала приносить домой деньги. Деньги Ванька любил! Когда она сообщила ему о том, что у них будет ребенок, даже засветился весь. Она-то по глупости своей думала – обрадовался! А оказалось, что причиной его радости было совсем другое:

просто у него появился повод уговорить Агафью на кредит. Он убеждал ее, что им сейчас не надо скупиться, что сейчас решается все их будущее, которое зависит от ее с ребенком здоровья. А отдать кредит будет несложно, потому что теперь-то уж он непременно устроится на работу. И Агафья, отлично зная его, опять повелась! Поверила, понадеялась! В итоге все деньги он спустил на себя. Одедся с ног до головы, купил себе новый смартфон, компьютер, планшет. Погулять не забыл с размахом. И опять обосновался на диване, такой злой от вновь наступившего безденежья, что Агафья даже заикнуться не смела о том, что он собирался работу искать. Впрочем, он и не собирался, он просто в очередной раз ей врал, а она опять ему верила. В результате чего кредит со всеми его процентами висел теперь на ней без всякой надежды на то, что ей удастся когда-нибудь его погасить. Пока Агафья сбежала и от Ваньки, и от банка, но не сомневалась, что последние-то уж точно ее найдут, если только она не поторопится исчезнуть навеки. Перед самым побегом к ней уже заявлялись коллекторы с отнюдь не ласковыми посулами – законы о них, наверное, только для того и писаны, чтобы им было что обходить. И после беседы с ними Агафью до сих пор мороз пробирал по коже. В такой ситуации ей оставалось лишь поблагодарить Ваньку за то, что он ее тогда пнул. С ребенком на руках она вообще бы не знала, что сейчас делать. Хотя и жалела о нем, особенно в те первые дни, в роддоме, глядя на других женщин с младенцами. Успела мысленно к

нему привязаться после того, как справилась с шоком, вызванным внезапно наступившей беременностью. Да и гормоны наверняка еще бурлили в крови, не позволяя сразу угаснуть древним природным инстинктам – любить, заботиться, опекать. Наверное, еще и поэтому она продолжала довольно долго нянчиться с Ванькой после своей выписки, все никак не решаясь на побег. Ей нужен, просто необходим был кто-то рядом! Но теперь по большому счету это все было позади. А впереди была Анжелка. Счастливая, удачливая, богатая. На вопрос о возможной сестре из детдома ответившая в социальных сетях: «Ой, я тебя умоляю!.. Даже если бы и была, я бы постаралась держаться от этого отребья подальше! Разве от подобных отбросов жизни можно ожидать чего-то хорошего? Да я бы даже без присмотра в квартире побоялась ее оставлять, не говоря уж о чем-то большем. А то и вовсе не пустила бы на порог – мало ли каких блох с собой принесет?» Вот так, не задумываясь! Эти слова жгли Агафье душу, и слезами этот огонь было не залить. Но зато они же все и решили. Теперь оставалось только подготовиться. Отшлифовать свой план, отработать мелкие детали. Деньги тоже будут нужны. Но Агафья уже знала, как их заработает. Иногда она уже прибегала к этому способу, даже несмотря на то, что обожала своего Ваньку до щенячьего визга. Но ему нужны были деньги, а ее жертвенность по отношению к нему не знала границ. Нет, она ему не изменяла, она просто готова была пройти ради него через все круги ада, через любые ис-

пытания. Это не измена. Хотя Ванька, узнай он обо всем, так бы не посчитал. И убил бы ее, наверное. Но он и так не раз бывал близок к этому, в том числе и из-за отсутствия денег. Он сам не оставлял Агафье большого выбора. А она таким образом гасила долги, пока это еще было возможно и они еще не разрослись до нереальных размеров. Она вздохнула, глядя за окно. Через часик-два, когда схлынет поток спешащих домой работяг, она туда выйдет. Невинность она потеряла еще в детдоме и, мягко сказать, не совсем добровольно. Но пережила, смогла отгородиться сознанием от всей этой грязи. И сейчас умела в нужные моменты черстветь душой так, что почти ничего уже не чувствовала. В таком состоянии было гораздо легче решаться на поступки, про которые потом было лучше не вспоминать. А деньги ей сейчас просто необходимы, потому что именно новую жизнь они и должны будут ей обеспечить. После чего о прежней жизни можно будет вообще забыть.

* * *

Через пару недель необходимая сумма была собрана, все было подготовлено. Надо было приступить к реализации своего плана, тянуть больше было нельзя. По многим причинам, в том числе и потому, что срок аренды убогой квартирки подходил к концу и местные «ночные бабочки» начали коситься на Агафью, заподозрив в ней конкурентку. Они! В

ней! Ну уж нет, она им не чета! Агафья брезгливо поджала губы. Наверное, прямо как Анжелка в те минуты, когда писала в Интернете о предполагаемой детдомовской сестре. Не разжимая губ, Агафья подошла к зеркалу, представляя себя ею. Если фотографии не обманывали, они с Анжелкой были очень похожи. Очень. Особенно после того, как Агафья сделала все возможное для усиления этого сходства. Копировала манеру речи и привычки сестры, тщательно изучая ее переписку. Дотошно разглядывая фотографии, сделала такую же прическу, принялась похоже одеваться и краситься. А то, что Анжелка была старше ее на три с лишним года, и вовсе невозможно было заметить, потому что Агафья, в силу выпавших на ее долю испытаний, выглядела взрослее своих лет. И горечь в душе не способствовала омоложению. А с этим чувством Агафья практически не расставалась. Ведь что еще можно было испытывать, слушая, как одноклассники болтают о своих родителях? О том, что «предки отмочили», «родки выдали» и так далее? И все со смехом, в деталях. С нарочитой грубоватостью, в которой все равно угадывалась любовь. Или что можно было чувствовать, глядя на Анжелкино детское фото, выложенное в сетях? Где она, такая вся ухоженная, с завитушками и хвостиком, стоит в белом платье. В белом-белом, ослепительно красивом. И на лице такая же ослепительная улыбка, совершенно беззаботная, не омраченная ни единой тяжелой мыслью. Она была окружена вниманием и заботой, знала, что ее всегда защитят от любых

обидчиков, будут ее жалеть и капризам потакать. В общем, она любимой была! Только горечь можно было испытывать, зная, что у тебя этого в жизни точно не будет. Но Агафья нашла для себя возможность все изменить хотя бы в будущем. И она собиралась воспользоваться этой возможностью, отбросив все сомнения и угрызения совести! Ибо испытывали что-нибудь подобное хоть кто-нибудь из тех, кто заставлял ее страдать в этой жизни? Нет! Ни мать, ни воспитатели в детдоме, ни родная сестра, ни Ванька, ни прочие граждане, от которых она успела натерпеться. И Агафья внушала себе, что тоже этого испытывать не должна. Никому ничем не обязана и свое будущее будет выгрызать у судьбы зубами.

– Гашка, ты чудовище! – сказала она, пристально глядя на себя в зеркало. Она ли это вообще? Зеркало показывало: да! Оставалось утешиться лишь тем, что в человеческой массе встречались индивидуумы и похуже, всякие там маньяки и террористы, вершившие свои дела не ради того, чтобы спастись от садиста-любовника и угрожающих расправой коллегторов, а просто так, ради собственно уничтожения. Она же просто боролась за жизнь. Ведь если собаку бьют, она огрызается; если загнать в угол крысу, она кинется на обидчика; если кошку мучают, то она пускает в ход все свои когти. Вот так и она, тоже припертая к стенке, будет бороться, пытаясь все изменить.

Агафья отошла от зеркала. Спать бы пора, но сердце билось, и на него словно камень давил. Так что, не имея рядом

ни единой живой души, с которой можно было бы попытаться разделить эту тяжесть или перед которой стоило хотя бы сделать попытку оправдаться за все задуманное, пришлось справляться с этим самой. Как всегда!

Как всегда, как птица Феникс из пепла. То, кажется, умереть готова и стала безучастна к своей судьбе – да пусть уже убьют, наконец, чтобы дальше не мучиться! – а то снова прорастает в душе какой-то жизнестойкий колючий росток и заставляет подняться, встряхнуться, действовать. Так и Агафья с утра воспрянула, начала собираться. Выйдя из детства, из-под какой-никакой, а все же опеки воспитателей, она первое время привыкала к тому, что больше никто не будет ею руководить. Никто не скажет, что нужно сделать, во сколько, не подтолкнет, если ленишься или опаздываешь. Теперь все сама. Хочешь – приберись без посторонней подсказки, хочешь – нет, но тогда живи в грязи. Хочешь – ищи себе работу, хочешь – откладывай ее поиски день за днем и сиди дома, но тогда без средств к существованию. Хочешь – преодолей сон и встань пораньше, хочешь – проспи и упусти в жизни что-то важное. И так во всем. В какой-то мере Агафье не хватало побуждений со стороны, потому что самой себя, имея свободу выбора, заставлять оказалось гораздо труднее, чем действовать по чьей-то указке. С Ванькиным появлением эта проблема решилась, хотя и совсем не так, как хотелось бы. Но теперь Агафья снова была свободна, одинока. И теперь снова надо было на все решаться или не решаться

самой. Хочешь – приступай к выполнению своего плана, а хочешь – тяни резину и жди, пока Ванька с дружками тебя не отыщет, или пока за тебя снова, уже всерьез, не возьмутся коллекторы. Пару дней назад в поле зрения Агафьи уже попадались смутно знакомые типы, ошивающиеся в соседнем районе, после чего она долго не могла унять свое сердце, при виде их пустившееся в сумасшедший галоп. Если это было не случайно, то как же близко они к ней подобрались! Еще немного – и... Нет! Агафье хватило и первой встречи с ними! Вторая же была обещана гораздо хуже! Помня свою любимую присказку: «Главное – начать!», она тщательно прибралась в убогой квартирке, чтобы там оставалось поменьше ее следов. Потом вздохнула, взявшись за дверную ручку, и открыла старую скрипучую дверь, чтобы навсегда покинуть и эту лачугу, и всю свою прошлую жизнь.

На вокзале, прежде чем брать билет в облюбованный ею южный приморский городок, Агафья со своего планшета написала Анжелке письмо. Уже второе. Первое было написано накануне. С самого начала представившись в сетях модным дизайнером, Агафья пожаловалась в нем Анжелке, что не успевает выполнить крупный заказ одной взбаламошной, но богатой фифы. И если бы «дорогая Анжелочка» взялась за него... Анжелка обещала подумать, что было вполне разумно – ведь для выполнения работы ей пришлось бы ехать в другой город, как того требовали обстоятельства и заказчица. А она теперь была уже специалистом такого уровня,

что могла позволить себе капризничать и выбирать. Потому что снова повезло, с ожесточением подумала Агафья. И тут тоже! Выучившись на дизайнера, Анжелка вполне могла бы пополнить собой массу молодых специалистов, которые после выпуска пускаются плыть по течению на рынке труда, не зная, где бы им и за что зацепиться со своим долгожданным дипломом о высшем образовании. Но совершенно случайно ей в руки попал заказ от семейной пары, едва ли не в сотый раз пытающейся переделать столовую, гордо именуемую «обеденный зал», в своем немаленьком особняке. И тут выяснилось, что Анжелка была еще «зеленым» дизайнером, но зато очень хорошим психологом. Она не стала слушать щебет жены заказчика про хрусталь, статуи и цветы. Нет, сразу сообразив, кто ей денежку платит, она повнимательнее взглянула на молчаливого хозяина, хмуро выслушивающего фантазии своей половины. И... пользуясь отсутствием куда-то уехавших хозяев, не стала работать по первоначальному эскизу, а соорудила из обеденного зала рыцарский! Лазерная система зрительно поднимала потолок на недосягаемую высоту, делая его визуально сводчатым. С потолка свешивалась люстра на железных цепях. На стенах, декорированных под крупную каменную кладку, висели лампы, стилизованные под факелы в железных держателях, и оружие. На грубо сработанном камине был выложен герб, придуманный Анжелкой специально для этого человека, как она смогла его распознать. Еще интерьер дополнил ка-

менный пол со шкурами. Шкуры же, только подбитые подушками для комфорта, лежали и на резных дубовых скамьях, таких же тяжелых, как обеденный стол. Дополняли интерьер стрельчатые окна, а еще – медные и оловянные блюда, и стойки с цепями, и искусственно закопченные картины в мрачных золотых рамах, на тему феодальной охоты. Анжелка очень рисковала, решившись на такой эксперимент. Очень! Ведь если бы ее работа не пришлась по нраву заказчикам, она не то что не заработала бы, а еще и в глубокий минус бы вышла со всеми материалами и их последующим демонтажем. И действительно хозяйка, едва увидев, во что превратилась столовая, тут же сорвалась на визг. Но Анжелка не для нее старалась, а для хозяина, вдруг оживившегося настолько, что на губах заиграла улыбка. И пока его жена истерично требовала немедленно убрать «всю эту дрянь» без следа, он протянул Анжелке пачку купюр, даже навскидку больше того, о чем они договаривались. А в ответ на ее удивленный взгляд коротко кивнул:

– Здесь с премией!

По крайней мере так предстала перед Агафьей эта история в социальных сетях, в пересказах как самой Анжелки, так и ее приятелей – друзей у нее, насколько Агафья успела понять, не водилось. Позже Анжелка узнала, что на почве ее первой работы распалась семья. Жена так и не захотела мириться с рыцарским залом, а муж наотрез отказался его ломать, почти каждую неделю устраивая в нем прямо-таки на-

стоящие феодальные кутежи. С его-то легкой руки к Анжелке и начали поступать заказы от солидных преуспевающих людей, меньше чем за год сделавшие ее одним из самых модных интерьерных дизайнеров в своем регионе. Так что она, продав родительскую квартиру, и сама теперь жила в весьма недурном особнячке за городом, оформив его по собственному вкусу.

«Анжелочка, зайка, ну ты как, выручишь меня или нет? – в оговоренное вчера время выйдя на сайт, написала Агафья. – Платит она хорошо, ты не пожалеешь. Да и сам городок неплох, попутно можно в нем отдохнуть. А упускать ее не стоит, хотя бы потому, что у нее *связи*. Ты ведь меня понимаешь?» Тут Агафья, не стесняясь, упомянула несколько громких имен, заимствованных все из того же Интернета. Но сейчас это ни к чему не обязывало, а ей необходимо было завлечь Анжелку любой ценой!

«Ты же знаешь, я предпочитаю не наши курорты, – после недолгого раздумья ответила Анжелка. – Да и сезон на наших толком еще не открыт, это вообще отстой. Но ладно, раз она готова все оплатить и дать мне рекомендации, я согласна. Приеду на несколько дней, только чтобы сделать эскизы».

«Ты прелесть! – написала Агафья, копируя язык всех этих «птаха беззаботных». – Я тебя люблю! Надо будет – тоже выручу, только свистни! Адрес уточню и скину тебе немного позже. Она будет тебя ждать и уже заранее согласна на все».

«Хорошо», – согласилась Анжелка, окончательно решая

свою судьбу.

А Агафья, отключившись, вскоре села в вагон. Адрес она сразу назвать не смогла, потому что и сама его еще точно не знала. Взяла на заметку несколько найденных в Интернете, а действовать решила уже на месте. Сейчас еще только начало сезона, так что с наймом жилья, особенно дорогого, вряд ли будут большие проблемы. А лично для себя ей любая конура сгодится.

* * *

Как и планировала, Агафья сняла на несколько дней две квартиры. Точнее, одну убогую времянку в саду у древней старушки, довольно далеко от моря, где и обосновалась со всеми вещами. И одну, можно сказать, виллу, только предоплата за которую сожрала львиную долю ее финансов, так что при расчете с хозяином пришлось для солидности «куклу» соорудить, отсчитывая из нее немногочисленные настоящие купюры, те, что были сверху. Но все равно хозяин еще и паспорт потребовал показать и даже отксерил, что было Агафье лишь на руку. А вилла того стоила! Агафья за всю свою скудную на радости жизнь не видела еще такой роскоши! Оставалось надеяться, что и на Анжелку она тоже впечатление произведет. Завтра. Завтра Анжелка должна приехать сюда. Как только Агафья думала об этом, у нее ладони покрывались испариной. И пока она даже не представля-

ла себе, как все получится. А надо было многое успеть! Изучить карту побережья со всеми его течениями. С наступлением темноты, переодевшись, натаскать на виллу морской воды. Машина у нее будет – Анжелка написала, что решила приехать не поездом или самолетом, а именно на авто. Вот и отлично, значит, и со встречей вопрос решился. В смысле встречать теперь не надо, доедет сама. Оставался главный вопрос – с кислородными баллонами. Для полной надежности они были нужны. Только как бы их добыть, не засвечивая себя? Купить? Слишком дорого. Арендовать? Рискованно! Не хотелось засвечиваться, да и где такое выдают? Но пока Агафья мучилась этим вопросом, судьба пошла ей навстречу, позволив попросту украсть комплект у школы дайверов, готовящих инвентарь к пляжному сезону. Она случайно оказалась на набережной возле их небольшого бунгало, построенного внизу, на самом берегу. И застыла, наблюдая за тем, как они заправляют баллоны, замачивают в дезсредствах и вешают для просушки гидрокостюмы и много чего еще. Долго не решалась на действие, пугаясь одной даже мысли о нем. Но потом, пока подуставшая компания ушла в бунгало на поздний обед, она все-таки отважилась. Подошла. Если ее застанут, подумала она, беря один из баллонов, извинится и с милой улыбкой скажет, что просто хотела оценить вес снаряжения, которое оказалось и в самом деле очень тяжелым. Агафья потянула его, накинула ремни на плечо. Быстро огляделась: никого! Но могут выскочить в лю-

бую минуту! И тогда... Ускоряя шаг, она добралась до еще какого-то, пока еще закрытого, строения на берегу и сунула свою добычу под стену, поскольку стояло оно не на фундаменте, а на трубах, забитых в землю, как сваи. Распрямилась, отряхнулась и, будто прогуливаясь, вернулась обратно на набережную. Огляделась: не видел ли кто ее отсюда, сверху? В конце концов, пока что ее поступок можно было еще расценить как хулиганскую выходку, а не кражу. Но вроде нет, никто ничего не заметил. Бегуны, велосипедисты, рабочие – все были заняты своими делами. А немногочисленные еще курортники, пользуясь отсутствием конкуренции, пока что предпочитали обосновываться на более комфортабельных участках пляжа, чем этот. В общем, никто не бежал ее ловить. Но Агафья все равно стояла, озираясь исподтишка и настороженно прислушиваясь. Потом отошла на приличное расстояние и уже издалека наблюдала, найдут ли свою пропавшую хватившиеся ее дайверы. Ведь если найдут, то возвращаться за ней не имеет смысла. Однако нет, где они только не искали, а заглянуть под соседний домик никто даже не догадался. Агафья посчитала это хорошим знаком. Не только потому, что теперь у нее был баллон, а еще и потому, что удача, кажется, взялась ей сопутствовать.

Вечером, когда уже все разошлись, она вернулась за своей добычей, погрузила ее в большую сумку на колесиках, изначально приготовленную совершенно для других целей. И отвезла на выбранный участок берега. Порепетировала там,

спрашивая себя, справится или нет? Должна! Хотя не так-то это оказалось и просто – дышать под водой, даже имея при себе запас кислорода. Вода норовила залиться в нос, паника норовила забраться в душу. Нос Агафья зажала пальцами, сделав себе заметку завтра прищепку с собой захватить, чтобы руки оставались свободными. Панику загнала куда подальше. Стоит ли теперь паниковать, когда она столько пережила в жизни? И должна еще будет пережить? Завтра. Уже завтра. Пожалуй, это будет самое страшное испытание из всех выпадавших на ее долю, но думать о нем нельзя. Только делать, отключив свои чувства, иначе ничего не получится. Прицепив к баллонам один из прихваченных на берегу оградительных поплавков, так, чтобы он не торчал над водой, но чтобы, нырнув, его сразу можно было найти, Агафья оставила их на дне. А сама выбралась на берег, клацая зубами, и принялась спешно кутаться в полотенце. Какой бы неизнеженной она ни была, а сезон и действительно лучше всего открывать пока только на пляже, не торопясь забираться в воду. Но и это, как многие другие нюансы, тоже должно сыграть ей на руку: можно быть уверенной в том, что спасать ее кинутся от силы один-два смельчака. Остальные останутся зрителями на берегу. И свидетелями. А ей сегодня нужно будет еще подсуетиться и подальше отсюда, вон там, за каменным выступом, далеко выдающимся в море, сделать закладку – пакет с одеждой и полотенцем. Ориентиром ей должен был послужить ржавый затонувший корабль. Это не

считая того, что надо еще воды навозить. Много дел! Но они не дают ей времени думать и чувствовать!

Довольно скоро Агафья согрелась, взяв в своей сумке от моря на виллу канистры с водой. Пришлось сделать пять ходок. Вроде не так уж и много, но она настолько измоталась, что, вернувшись в свою лачужку, просто упала на кровать, сразу заснув мертвым сном. Что было хорошо, иначе переживать бы ей да мучиться до утра, теряя решимость.

Утром Агафья проснулась, вопреки опасениям, без всякого намека на простуду после вчерашнего купания. Сразу написала Анжелке, уже от имени «фифы», якобы владелицы виллы. Анжелка ответила, что подъедет через три-четыре часа. Пора было готовиться. Агафья отправилась на виллу, попутно оценивая обстановку. На море сегодня было спокойно, и на пляжах, по сравнению со вчерашним днем, народу уже прибавилось. Вода искрилась, солнце сверкало, небо светилось лазурью. А Агафье было не по себе от того, что день так хорош и что именно в такой она собирается совершить то непоправимое, о чем даже думать нельзя, чтобы не сорваться. Хотя и боролась она за место именно под таким вот ласковым солнышком, где тебя никто не будет избивать, насиловать или же, вывернув веко, направлять острие ножа тебе в глаз, в следующий раз обещая вообще его выколоть. Как будто у нее от этого деньги могли появиться! Анжелка смотрела на мир открытыми глазами, никогда в жизни не сталкиваясь с чем-то подобным. И Агафью прежде всего

привлекал не ее недостаток или еще что-либо материальное, а именно эта вот возможность жить уважающим себя человеком, не озираясь, не вздрагивая, не считая себя ущербной. Сглотнув застрявший в горле холодный ком, Агафья зашла на виллу, проверила ванну. Пробка в ней оказалась хорошей, и натасканная морская вода за ночь никуда не делась. Значит, можно заняться собой. Агафья расправила на руках тонкие хлопковые перчатки – в этом доме она никогда не ходила без них, чтобы не оставить ни единого следа. Переделалась в красивый домашний халат – на что-то другое не хватило ни фантазии, ни денег. Потом – парик и темные очки: Анжелка не должна заметить их внешнего сходства. Иначе как бы не догадалась, после того вопроса в сетях, к кому на самом деле приехала. А то ведь сразу насторожится, если вообще с порога не надумает уехать. Но в таком виде вряд ли заметит. Теперь главное – это дождаться ее приезда.

Когда Агафья увидела машину, въезжающую во двор, у нее колени едва не подкосились. Сердце колотилось так, что хотелось схватить его обеими руками и сжать покрепче, призвать к порядку. Но все же Агафья сумела изобразить на лице улыбку, двигаясь навстречу гостье:

– Анжела, да? Здравствуй! С приездом! Я Агафья, – она не сочла нужным менять свое настоящее имя. Зато поспешила пояснить, заметив, что Анжелка недоуменно косится на ее не слишком ухоженное лицо с далекой от идеала кожей и на темные очки: – Я тут к косметологу неудачно сходила.

Вместо пилинга получилось черт знает что! И руки вот... – она указала на свои перчатки из тонкого хлопка, предоставляя Анжелке возможность самой додумывать, что там может быть. – Так что выгляжу ужасно и даже от знакомых пока скрываюсь. Но тебя это не должно волновать. Ничего, что я на «ты»? Пойдем, покажу тебе твою комнату. А потом осмотришь все хоромы целиком.

– А что ты вообще хочешь здесь переделать? – спросила Анжелка, теперь оглядываясь по сторонам. Агафья не могла не отметить, что в жизни сестра похожа на нее даже больше, чем на фотографиях. Она понимала, что это ей только на руку, но испытывала лишь смятение. Как будто на себя глядела со стороны. И внимательно слушала ее голос – это ведь была единственная возможность оценить его и запомнить. Хотя и тут не стоило особо стараться, чтобы добиться сходства, оно и так было.

– Все! – отрезала Агафья, стоя на пороге той комнаты, в которой Анжелка по-хозяйски бросила сумку. Сразу открыла шторы, оценивая вид за окном, прошлась, оглядываясь и уже переставляя кое-какие мелочи по своему вкусу. Попрыгала на кровати. Она чувствовала себя уверенно, и если бы ее что-то здесь не устроило, то наверняка потребовала бы заменить. – За ценой я не постою! Видишь ли, этот дом оформляла бывшая моего нынешнего мужа! И если сам дом мне нравится, так что избавляться я от него не хочу, то внутри не должно остаться даже намека на прошлое! Вообще! Но что-

бы мой муж не ворчал на меня за эту переделку, все должно быть по высшему классу! Поэтому я и обратилась за помощью к специалисту твоего уровня. Ты ведь понимаешь?

– Теперь понимаю, – ответила Анжелка, прикусила зубами жвачку во рту и принялась дерзко оглядывать свою собеседницу. Ее халат, не дешевый, но явно не соответствующий Анжелкиному представлению о хорошем вкусе. Ее очки, тоже не слишком высоко оцененные. Ее кожу, слишком далекую от того состояния нежного шелка, на который была похожа ухоженная кожа самой Анжелки. Ее перчатки, возможно, просто скрывающие далеко не идеальные руки. – И как давно ты замужем?

– Не очень, – чтобы оправдать все свои пробелы, «призналась» Агафья. – Но для нашего дела это не имеет никакого значения.

– Не имеет, – согласилась Анжелка. – Ну что же. Если ты готова как минимум на пару месяцев превратить свой дом в место военных действий, то пойдем посмотрим, что здесь стоит разворотить, а где можно будет обойтись малой кровью. Потом я сделаю эскизы, а ты их оценишь. Я имею в виду – визуально, потому что материально оценивать буду я, и стоить это будет очень недешево. Я за копейки не продаюсь.

– Да не вопрос! Муж мне ни в чем не отказывает! Ну, пойдем на экскурсию! Ничего не буду комментировать, смотри все сама. Потом сделаем заказ в ресторане, перекусим, если не возражаешь, – добавила она отчего-то. Хотя прекрас-

но знала, что никакого «потом» не будет. Ни вдвоем с Анжелкой, ни одной, потому что будет вовсе не до еды. Сердце то немного унималось, подчиняясь хозяйской воле, то снова начинало трепетать, отчего холодели ноги и руки, а своей заледеневшей души Агафья и вовсе сейчас не чувствовала. К счастью, Анжелка увлеклась осмотром дома, так что не замечала состояния своей спутницы. Что-то трогала, поворачивала, отдергивала. И комментарии, к облегчению Агафьи, не требовала, все оценивая сама. Иначе Агафья даже не знала бы, что ей говорить про этот малознакомый дом. Да и голос мог дрогнуть некстати. Они прошли по всем комнатам, побывали в столовой, оценили вид коридоров. Потом, начав сразу со второго этажа, дошли и до ванной комнаты на первом. До последнего рубежа. До точки невозврата. Анжелка лишь удивилась, увидев наполненную ванну. Не битая жизнью. Не пуганная. Агафья на ее месте сразу бы насторожилась. А эта лишь взглядом скользнула и едва заметно пожала плечами: хозяйские причуды – дело не ее. Подошла поближе, разглядывая яркий «ловец снов», который Агафья специально прикрепила над самой ванной. Совершенно не вписывающийся в интерьер и оттого приковывающий к себе внимание, прямо как селедка в кремовом торте. Агафью заколотило. Сейчас или никогда! Никто не подаст сигнал, не скамандует. Только самой решать, с чем ей остаться в будущем. И она решилась! В самый последний момент, когда Анжелка уже собиралась повернуться, чтобы о чем-то ее спро-

силь, Агафья резко нагнулась, подхватив ее под ноги. Теряя равновесие, Анжелка рухнула в ванну головой. Подняла тучу брызг, забилась, пуская пузыри и пытаясь вывернуться. Сама не своя от страха, Агафья продолжала держать ее за ноги. Да она ли это творит?! И как она оказалась на это способна?! Может ли вообще такое быть?! В прерывистом дыхании Агафьи слышались всхлипы. Она и не думала, что это будет настолько страшно! Может, ну ее, может, пойти на попятный? Потыкала спесивую девку мордой в ванну за все, как кота в лужу, – и хватит с нее! Отпустить! Анжелка ее лицо вряд ли запомнила. Пока выберется, пока проплывет, придет в себя – Агафья будет уже далеко. Решившись, она разжала руки и метнулась из ванной, предоставив Анжелку себе самой. Застыла в коридоре, трясаясь всем телом и уже думая о том, какая же она дура! У нее был единственный шанс начать нормальную жизнь, без нищеты, угроз и вечных проблем! Сбежать от прошлых кошмаров. И она уже все подготовила к тому, чтобы это осуществить. А теперь... Или плевать на все, лишь бы руки остались чистыми?! Агафья привалилась спиной к стене, медленно сползая по ней, в то время как нужно было бежать без оглядки. Оказавшись на полу, подняла к потолку глаза. Почему же она за все это время ни разу не задумалась о том, какой *именно* ценой она собирается урвать у судьбы свой лотерейный билет? Не осмыслила, не представила себе, как оно будет не в планах, а в реальности? Это же не в электронную стрелялку побаловаться

и даже не баллон от бунгало украсть! Но теперь все. Просто сбежать отсюда! Срочно! Пусть в никуда, пусть без денег и беспрестанно озираясь по сторонам в страхе, что настигнут и искалечат, но это ее проблемы, и она больше не станет пытаться решать их за счет других!

Агафья сжала руки в кулаки и глубоко вздохнула, пытаюсь прийти в себя. И только теперь до нее дошло, что из ванной она не слышит ни единого звука. Ну разве что вода откуда-то продолжает капать, шлепая по каменным плиткам пола. Поднявшись, Агафья осторожно заглянула туда. И все поняла, увидев торчащие из ванны Анжелкины ноги, которые она отпустила слишком поздно. Осознав это, Агафья затряслась в конвульсиях, словно на электрическом стуле, потом разрыдалась в полную силу – теперь таиться не было смысла, а можно было хоть на какое-то время дать себе волю, выплескивая тот ужас, что скопился внутри. Сколько же его было! Агафья не могла успокоиться минут двадцать. Потом открыла холодную воду и принялась, давясь, глотать ее прямо из-под крана. Прийти в себя, срочно! Время шло, и терять его было нельзя, чтобы принесенная жертва не оказалась напрасной. Раз уж Анжелка была мертва, надо было собраться с силами и срочно действовать дальше. Убедиться, что машина с улицы не видна. Переодеться в купальник, накинуть платье, прихватить с собой сумку – и бегом на пляж! Так быстро, как только можно, не привлекая к себе внимания. Потому что время смерти максимально должно совпадать. В

самый последний момент Агафья, действующая теперь почти автоматически, словно тоже уже не живая, вытащила из приготовленной сумки свой паспорт, обтерла, стирая с него свои следы, и приложила к нему безвольную Анжелкину руку. То же самое проделала и со своим телефоном. Мало ли, вдруг с разбухшего в воде тела тоже можно будет снять отпечатки пальцев? Все должно совпадать! Да, и тело... Набравшись решимости, Агафья развернула его и погрузила в воду целиком.

На берегу она, все еще не снимая перчаток, бросила на гальку сумку и одно из Анжелкиных платьев, самое простенькое, но все равно даже на вид дорогое. Свою одежду, пользуясь отсутствием соседей, она беспрепятственно свернула в тугой узел, намереваясь забрать с собой. Может, будут делать какие-то экспертизы? Агафья была в этом не сильна, так что старалась все предусмотреть. Даже с учетом того, что выловленное и опознанное тело не будут исследовать слишком пристально. Тело... Содрогаясь как от холода, так и от всех своих мыслей, Агафья шагнула в мелкую воду, накатывающую на гальку с беззаботным шелестом, в сверкании солнечных бликов. Потом зашла поглубже и поплыла. В жизни ей не часто выпадало это удовольствие, но тем не менее и плавала, и ныряла она хорошо – наверное, у нее просто было к этому какое-то врожденное умение. Так что «утонуть» ей будет не слишком сложно. Вначале она отплыла от берега, потом, ориентируясь на него, поныряла, отыскивая под во-

дой свой вчерашний поплавок. Вода скользила по коже, как шелк, такой же холодный и нежный, и была просто какой-то кристальной прозрачности. Но тем не менее Агафья изрядно успела намучиться и уже была близка к панике, когда ей наконец-то удалось обнаружить вчерашний «бук». Теперь все! Набрав в грудь побольше воздуха, она забилась на воде, закричала: «Помогите!!!», отчаянно, как будто и в самом деле тонула. Раз, другой, пока не заметила, как на далеком отсюда пляже начинают подниматься со своих лежаков привлеченные ее криком люди. Кто-то, оценив ситуацию, кинулся ей на помощь бегом, вдоль берега, чтобы сэкономить силы и время. Тянуть больше было нельзя. Агафья нырнула. Сердце все продолжало колотиться, увеличивая ее потребность в кислороде, грудь начала разрываться после пары гребков. Так и не добравшись до баллонов, она еще раз вынырнула на поверхность, чтобы отдышаться, уже гораздо натуральнее забила руками по воде. В какой-то момент у нее создалось отчетливое впечатление, что она и вправду сейчас утонет, чтобы вскоре встретиться с убитой сестрой на том свете. Ах, какая это была бы глупая смерть! Не проще ли тогда было бы покончить с жизнью сразу и одной, а не тянуть за собой Анжелку? Ведь такое решение проблемы ей тоже не раз приходило на ум в течение последних месяцев. И Анжелка была бы жива! Эти мысли, наверное, Агафье и помогли. Она нырнула в последний раз с твердым намерением добраться-таки до баллонов, чего бы это ни стоило, и в любом случае на поверх-

ности больше не появляться. А в итоге смогла! Догребла, дотянулась до вожделенных ремней, зацепилась за них. Едва не захлебнулась, впопыхах открутив вентиль сильнее, чем было нужно, поднесла загубник к лицу. Собрав всю свою волю в кулак, быстро обуздала панику, из последних сил подавила накативший кашель после нескольких конвульсивных движений на выдохе, прикрутила вентиль. Зажала нос, сунула в рот загубник и начала полноценно дышать, успокаиваясь. Кашель все еще давил на горло, хотя и не так сильно. Только бы не поддаться ему, такому безобидному на земле, а под водой способному в два счета убить! Осознавая эту смертельную опасность, Агафья не сразу решилась тронуться с места, ведь при движении приступ мог накатить с новой силой. Нерешительно повисела над баллонами, достаточно тяжелыми, чтобы придержать на дне и ее, зацепившуюся за ремень, соединенную с ними, как пуповиной, трубкой с нагубником. Но потом вода, прекрасный проводник звука, донесла до нее с берега какие-то крики, и Агафья поняла, что медлить больше нельзя. Исхитрившись надеть на себя баллоны как положено, прямо под водой, она поплыла к своему тайнику с одеждой, укрытому от посторонних глаз длинным каменным выступом. Ориентироваться было несложно, даже легче, чем собственно плыть: надо было просто оставлять от себя по правую руку подводную, поросшую водорослями крутую часть берега, придерживаясь начинающегося за ним песчаного дна, ровного и практически голого. Так что, если

под Агафьей начинало появляться слишком много подводной растительности, она просто слегка корректировала направление. И не то плыла, не то передвигалась по дну со своими баллонами, отталкиваясь от дна то ногами, то руками – как получится. Вперед и вперед. Течение помогало ей, и довольно сильное – не зря она, сверяясь с картами в Интернете, выбрала для своего замысла именно этот участок берега. Тот, где было подводное течение, способное вынести утонувшее тело в открытое море. Те, кто будет заниматься поисками, должны об этом знать. Лишь бы ей самой не оплошать ни на одном из этапов, в том числе и сейчас. С направлением она, кажется, угадывала, а вот с расстоянием определиться уже не могла. Так что оставалось лишь двигаться, и чтобы не замерзнуть, и чтобы если не добраться до облюбованного укромного уголка, то хотя бы просто подальше уплыть от того места, где ее сейчас наверняка уже ищут.

Как она успела обогнуть свой каменный выступ, Агафья даже не поняла. Все двигалась над песком, вдоль заросшего берега, чувствуя упругое давление воды, и вдруг ощутила под рукой какую-то ржавую железяку. Потом еще одну. Остановилась. За выступом доживал свой век выброшенный на отмель старый корабль. Точнее, все, что от него осталось. Так не на эти ли останки она наткнулась? Значит, добралась? Решившись, Агафья устремила к поверхности. Хотела высунуться лишь по глаза, осмотреться. Но выяснилось, что, как и все расстояние, глубину она тоже неправильно оцени-

ла, так что здесь оказалось гораздо мельче, чем она предполагала. Метра полтора, так что неожиданно для себя она закачалась на поверхности. Но, на ее счастье, никто этого не увидел, потому что вокруг не было ни души. Все собрались сейчас там, по другую сторону выступа, невидимые отсюда. Пользуясь этим, Агафья подобралась к ржавым останкам корабля, стащила с себя ремни. Хотела засунуть баллоны куда-нибудь внутрь, но там все оказалось занесено песком. Так что пришлось выбрать местечко поглубже, нырнуть и просто намотать ремни на какие-то подводные железяки, оставив баллоны ржаветь вместе с почти развалившимся кораблем. Потом она отвязала от себя чудом не потерявшийся узел со снятой одеждой. Отыскала на берегу тайник со сменной, сухой. Яростно растерла себя полотенцем, оделась. Посмотрела на солнце, яркое, теплое. Она его может видеть! Она жива! Агафья постояла, осознавая все это и просто приходя в себя. А потом решительно двинулась вперед. У нее еще есть в запасе время. Пока, не найдя самого тела, люди рассмотрят документы утопленницы. Пока вызовут полицию, пока те выяснят, где останавливалась приезжая девушка, времени немало пройдет. Но все равно надо поторапливаться. Зачистить на вилле все, что нужно, включая морскую воду в ванне. Вынести оттуда Анжелку. Вывести машину со двора, предварительно заляпав грязью ее номера – незачем лишний раз светиться. Права теперь у нее есть, так что она может спокойно садиться за руль! Потому что собственно

водить машину она умела, и неплохо. Еще тот, первый, начал учить, который позвал ее покататься. Садясь к нему, Агафья прекрасно понимала, что он не просто так ее пригласил. Но они встречались не первый день, и он очень ей нравился, так что она заранее была согласна на большее. Но только не на то, что он окажется не один... Впрочем, могло бы быть и хуже. Эти, по крайней мере, после того как их затуманенные гормонами мозги прояснились и начали соображать, не бросили свою жертву и не попытались ее запугивать – наоборот, постарались задобрить, как только могли. Она вначале шархалась от них и мечтала убить при первом удобном случае. Искренне ненавидела, особенно того, первого, предавшего ее остальным. Но потом... Она и сама не могла бы себе ответить, что заставляло ее раз за разом прощать таких вот подонков. Ну, или не прощать, а по крайней мере просто спускать им с рук все то зло, которое ей причиняли и от которого ее некому было защитить. Идти ей со своими бедами было не к кому, воспитателям она бы в жизни не решилась признаться в случившемся. Разве что Лильке все рассказать? Но та, старше и умудреннее, только грубо рассмеялась в ответ. А потом просветила Агафью насчет неизбежности произошедшего и о том, как это бывает при худшем раскладе. Так что, сказала она напоследок, мир ты не изменишь и правосудия все равно не добьешься. Поэтому, если твои козлы готовы тебя еще и одаривать, ты пользуйся этим по полной. Выжимай из них все, что можешь, и не замора-

чивайся. А иначе останешься у разбитого корыта, да еще и виноватой во всем – их-то предки, не сомневайся, отмажут. И Агафья последовала этому совету, скрутив тугим узлом свою ненависть. Со стороны можно было подумать, что у нее с этими парнями хорошие, дружеские отношения. Никто бы и догадаться не смог, с каким удовольствием она растерзала бы их всех, если бы ей только дали такую возможность. И они сами в том числе ни о чем не догадывались. После очередных свиданий дарили ей конфеты, вещи и даже украшения. И сажали за руль, когда она этого хотела. А она мечтала научиться водить машину, ей очень нравился этот процесс. Поэтому она сумела в нем преуспеть настолько, что в дальнейшем не хватало только собственного автомобиля и прав. Всего того, что будет теперь.

Перебравшись через выступ, Агафья задержалась возле скопления народа, чтобы оценить обстановку на берегу. Увидела несколько служебных машин и людей в гидрокостюмах, забирающихся в моторную лодку. Увидела полицейских с планшетом, которым кто-то что-то оживленно рассказывал. И, потихоньку отделившись от толпы, поспешила на виллу.

* * *

В арендованных хоромах Агафью встретила мертвая тишина. Да и какой она могла еще быть, если в ванне лежало Анжелкино тело? Агафья сразу прошла туда, вытащила

пробку, спуская воду. Потом, не без труда, выволокла тело на пол. Страшное, с уже начавшими изменяться чертами. Какое-то все поблекшее, вымоченное. Особенно жуткое от того, что на дворе уже начинало темнеть, в классическом жанре ранних и стремительных южных закатов. Агафья решилась включить свет над раковиной, потом замерла над телом, не смея прикоснуться к нему: вдруг Анжелка сейчас откроет глаза и взглянет на нее? А потом начнет и вставать... Оборвав разыгрывающуюся фантазию, вообще ни о чем стараясь не думать, Агафья принялась раздевать сестру. Действовала по какому-то подсознательному алгоритму. Снять все повседневное, в котором она никак не могла плавать в море. Потом внимательно оглядеть обнаженное тело: мало ли, на нем могли быть какие-то родимые пятна и прочие отметины, о которых она теперь должна знать. Нет, вроде ничего... А вот лоб разбит при падении. Не заподозрили бы неладное! Недолго думая, Агафья сбегала к машине, достала из аптечки зеленку. Если кого-то заинтересует этот ушиб, пусть думают, что он получен прижизненно. При условии, что к моменту обнаружения тела зеленку окончательно не смоем водой. Но это от Агафьи уже не зависело. Облачив Анжелкино тело в свой купальник, она принялась запихивать его в сумку, в ту, на колесиках, в которой таскала вначале баллоны, потом – воду из моря, на этот раз предварительно засунув в сумку большой пакет. Тело никак не желало укладываться, словно сопротивляясь. Борясь с этой неподатливостью, Ага-

фья отчаянно вздрагивала каждый раз, когда вдруг касалась его, такого страшного, мокрого и холодного, ничем не защищенной рукой, между концом рукава и манжетой перчатки. Это был ужас, и не один из тех многих, что Агафье уже довелось пережить, а какой-то особо липкий, вязкий, сюрреалистичный. Ей казалось, что она возится здесь долгие годы. Хотя, взглянув на часы, обнаружила, что все заняло у нее не более получаса. Застегнув сумку, Агафья потащила ее к багажнику. Самое страшное здесь было сделано. Теперь оставалось сконцентрироваться и выполнить самую кропотливую часть работы: проверить, не оставила ли она чего-то своего. Следы должны быть, если что, только Анжелкины, которых она сегодня наоставляла по всему дому великое множество. А вот часть ее вещей надо бы прихватить с собой – не могло быть таких дорогих у Агафьи Молчановой. По крайней мере, в таком количестве. Еще надо затереть все в ванной и проверить наличие Анжелкиных документов, которые теперь ей будут вместо своих, оставленных на берегу. Ключи от машины уже нашла, когда за аптечкой бегала. Запоздало мелькнула мысль: а как же быть с ключами от виллы?! Надо было раньше озаботиться этим вопросом, а теперь оставался только один вариант: заперев входную дверь на замок, сунуть их под коврик перед ней же. И все. Пусть их хозяин завтра здесь и найдет, уже оповещенный полицией или же еще нет. В любом случае завтра они с Агафьей должны были полностью рассчитаться за дом. Но он больше ничего не по-

лучит, хватит с него и бешеной предоплаты. А она уезжает! Оставалось только перед выездом выпачкать в земле номера. Частично, чтобы это не слишком бросалось в глаза и не выглядело как грубое нарушение. Типа, нырнула девочка в лужу и не заметила, как оттуда грязью плеснуло. В первую очередь замазать лучше всего регион. Остальное просто забрызгать. И – прочь со двора со своим страшным грузом.

Когда Агафья приехала к морю, небо уже едва теплилось над горизонтом, указывая место, где село солнце. Весь остальной небесный свод успел приобрести бархатную темно-синюю окраску, и по нему тут и там вспыхивали по-южному крупные звезды. Агафье оставалось лишь поразиться этой красоте, вдруг заявившей о себе так ярко, что невозможно было ее не заметить. Отчего бы? Быть может, от того, что сегодня она лишила одного человека возможности все это видеть? Агафья внутренне съежилась. Если бы была возможность воскресить Анжелку, она бы сейчас сделала это, не задумываясь о последствиях. Но такие чудеса ей были не по плечу, так что оставалось только избавиться от тела. Агафья огляделась. Она остановила машину на диком пустынном пляже, проехав и место своего «утопления», и натоптанный поворот к каменному выступу с кораблем. Теперь надо было немного вернуться, уже пешком. Агафья открыла багажник, вытащила сумку. Даже на колесиках по гальке тащить ее было тяжело. Она замирала, услышав любой шорох. Или когда ей чудилось, что она его слышит. Только бы не

напороться здесь на кого-нибудь! А то, не ровен час, предложат еще с сумкой помочь! Так что тихонечко, перебежками, от куста к кусту. С наступлением темноты поиски утопленницы были свернуты до утра. Оно и понятно – что там увидишь, в темноте, если даже при свете дня не смогли отыскать? А срочность теперь, когда уже было ясно, что девушка все равно мертва, была ни к чему. Но люди на это место все равно приходили – поглазеть. Ей они были видны с ее неторной темной тропинки, эдакая редкая и разрозненная толпа вдалеке, под одиноким фонарем – хорошо освещенная набережная заканчивалась раньше этого места. Взглянув на этих зевак чуть ли не с ненавистью, Агафья свернула к воде и стала спускаться, почти сразу потеряв их из вида. Они остались там, за выступом, а она – по эту его сторону, наедине с темнотой, водой и сумкой, в которой лежало тело, уже по-мертвому неподатливое. Это была еще одна причина, по которой надо было избавляться от него как можно быстрее. А для этого Агафье предстояло... тому, что ей предстояло, никто бы не позавидовал. Агафья вытряхнула тело из сумки в лижущие берег волны на мелководье, прямо в целлофановом пакете, и быстро разделась. Не думать о том, что именно ей нужно сделать. Да, просто не думать! Ведь если она хотела, чтобы тело нашли именно в море, а не прибитым к берегу, надо было отбуксировать его поглубже и оставить там, где его подхватит течение. Там, а не здесь. А для этого ей надо будет войти в одну воду со своей жуткой ношей. Но думать

об этом нельзя! Иначе не хватит сил. Надо внушить себе, что это просто пакет!

Море, бархатное небо и звезды на нем. И ароматный ветерок, еще прохладной, но ласковой ладонью периодически оглаживающий лицо. Наверняка есть немало тех, кто обожает поплавать в такую пору. Агафья же думала только о том, как бы ей под этими звездами с ума не сойти. Одна. Совершенно одна, в темноте, и рядом – мертвое тело... Она шагнула в воду, в ту самую воду, в которой уже плескался страшный пакет. Пошла, утягивая его за собой. Потом поплыла. Пакет в воде то и дело норовил сползти, обнажая то белую застывшую руку, то волосы, полощущиеся на чуть заметных волнах. Агафья поправляла его, подтягивала, как могла. И плыла, плыла, словно одержимая, пока не увидела редкие огни берега далеко позади. Пожалуй, она заплыла даже дальше, чем следовало. Но возиться дольше, оценивая расстояние, было уже выше ее сил. Дрожа крупной дрожью, она потянула за мешок, окончательно снимая его. И сразу же развернулась обратно. Борясь не то что с паникой, а с животным ужасом. Ей то и дело казалось, что Анжелка так же быстро плывет за ней следом, что уже настигает, чтобы ухватить и уйти на дно не в одиночестве. Агафья гребла все быстрее... быстрее... еще быстрее. Она рвалась к берегу изо всех своих сил, пока не напоролась животом на какой-то камень и, неожиданно остановившись, не уперлась в песок коленками. Поднялась. Побрела на сушу, преодолевая сопротивле-

ние воды. Какая-то водоросль нежно коснулась ее ноги, едва не заставив Агафью заорать в полный голос, дико, отчаянно. Она с трудом сдержалась, продолжая трястись.

Лишь на берегу Агафью немного отпустило. Она даже решилась оглянуться. Всмотрелась в воду, пытаясь понять, утонуло тело или нет. Должно было... такое тяжелое. По крайней мере за ней следом, как ей все время чудилось, не приплыло. Убедившись в этом, Агафья подхватила одежду, сумку. И невзирая на ветерок, от которого сейчас стыла ее мокрая кожа, прямо в купальнике побежала к машине. Там, спрятав сумку в багажник, вытеревшись и одевшись, она еще долго сидела за рулем, не решаясь повернуть ключ в замке зажигания. Все позади, внушала она себе. Никто ее не поймал и теперь уж наверняка не свяжет с утопленницей. Но дрожь еще долго не проходила, накатывая теперь приступами. Море... Агафья была уверена, что больше никогда не ступит в него ни ногой. Особенно ночью, под бархатным звездным небом, где ее всегда теперь будет ждать Анжелка.

В конце концов она все-таки взяла себя в руки, обнаружив при этом, что действовать куда легче, чем просто сидеть: страшные мысли, которые никакими усилиями было не вытеснить из головы, сейчас сами начали пропадать, растворяться под давлением других, более насущных. Контролировать дорогу, приноровиться к машине. К бабуле еще надо заехать. Точнее, оставить где-нибудь машину и зайти в снятую времянку, чтобы вещи забрать. Теперь они ей вроде бы-

ли и ни к чему, Анжелка разве полы бы стала такими мыть, но оставлять их нельзя. Ведь бабуля может поднять тревогу, что квартирантка пропала. А это сейчас, пока идут поиски пропавшей утопленницы, было бы совершенно некстати.

Агафья все забрала, тихо пройдя через калитку. Именно этим снятая времянка ее и привлекла, что можно было в ней жить, лишней раз не попадаясь никому на глаза. Собрав все вещи, она написала бабуле записку, что срочно уезжает. Печатными буквами, вроде как для того, чтобы той было легче читать. Сложила ее вместе с деньгами. Денег хотелось оставить побольше, уж очень бабуля радовалась квартирантке, так что, наверное, нуждалась в них. Но Агафья побоялась – откуда у нее, нищей девчонки, снявшей эту лачугу, они могут быть? Так что все-таки надбавила, но чуть-чуть. Бабуля уже спала в своем доме, поэтому Агафья просунула свой импровизированный конверт ей под входную дверь. А потом вернулась к оставленной машине и снова села за руль. Поспать бы сейчас до утра, да сон все равно не придет. Только мысли и свежие воспоминания снова начнут атаковать ее черными призраками. Так что – на трассу! Не шагнуть с обочины в теплый салон большегруза, как когда-то мечтала, а выехать туда на своей собственной машине, разрезая фарами черную южную ночь. Высвечивая ровную полосу асфальта и каменистую обочину с редкими пучками жесткой травы. Мигнуть кому-то задними габаритками, оставить прощальный аккорд двигателя. И ехать, ехать! Пусть они остаются

здесь, в этом тихом городке, его жители. Пусть навсегда упокоится здесь пережитый Агафьей ужас, останется вся ее прошлая жизнь. Теперь она и не Агафья вовсе, та умерла. А она теперь – Анжелика Боярова. Забыть старое имя, запомнить новое, начав даже в мыслях на него отзывать. И главное – в путь, в то будущее, о котором она мечтала с самого детства! На относительно пустынной ночной трассе она успеет окончательно привыкнуть к машине и вспомнить все свои прошлые навыки. Еще – притормозить на обочине и номера обтереть от грязи, и мимоходом выбросить свой планшет, удалив с него страницу, на которой писала Анжелке под фальшивым ником дизайнера, ее коллеги. А ближе к утру найдет, где вздремнуть. Даже и номер в гостинице может снять по дороге. Деньги есть, остатки Анжелкиной налички. По меркам бывшей Агафьи Молчановой, это было настоящее богатство. Топливо... полбака, хватит пока. Уже как-то по-хозяйски поправив зеркало, Агафья... нет, теперь Анжелика!.. нажала на газ.

* * *

До города... своего теперь города Лика добралась без происшествий. Рассчитала путь так, чтобы въехать в него ночью. Пользуясь затишьем на дорогах, покаталась по центру: Интернет Интернетом, а надо было иметь о нем и хоть какое-то наглядное представление. Самым трудным для нее оказалось

найти свой дом, когда она наконец решила, что посмотрела достаточно, и пора до него добраться. Улицу, пользуясь навигатором, нашла без проблем, а вот дом... Она проехала мимо него неоднократно, каждый раз в самый последний момент не отваживаясь свернуть к воротам. Тот или не тот? А если ошибется, вот будет номер! Но и кататься дальше туда-сюда, тревожа фарами темные окна спящих соседей, тоже становилось небезопасно. Нет, наоборот, надо попытаться все проверить именно сейчас, пока еще не привлекла к себе ничего внимания и пока народ не начал просыпаться – ведь уже близилось утро. Лица остановилась. Еще раз посмотрела на дом. Номер... расположение... Вроде все совпадает. Оставалась последняя проверка, и она нажала на пульт управления, направив его на ворота. Те вначале никак не среагировали на сигнал, заставив Лику запаниковать. Но потом она заметила активно мигающий на датчике огонек и поняла: заблокированы! Приободренная этим огоньком, она решила вылезти из машины и подойти к калитке. Ключи подошли. Что дальше? Красться к дому, как вор, абы кто не заметил? Или идти к нему по дорожке через двор решительно, по-хозяйски? Даже если ошиблась? Лица решила на второе и пошла, то и дело напоминая себе, что нельзя сутулиться, нельзя втягивать голову в плечи, словно во всем кругом виновата и в любое время готова получить от кого-то пинка. Это в прошлом! И Ванька, и все остальные, кто это себе позволял! Теперь она уверенный, уважающий себя че-

ловек, по отношению к которому поступить так никому и в голову прийти не должно! Так что выпрямить спину! И держать ее так, не забываясь. С этими мыслями и следуя извивам дорожки, Лика взошла на террасу, поднесла ключ к дверному замку. Сунула его в скважину, проверяя, подходит ли. Подошел. Но стоит ли отпирать сейчас дверь? Что она знает об этом доме? О его замках, о его системе безопасности? Нет, лучше начать с гаража. Где он там может быть? Лика опустила руку с ключом, вернулась к машине, сумев разблокировать ворота – у одного ее знакомого парня система была очень похожая. Села за руль. Дорожка от ворот сама привела ее к въезду в гараж. Но, не торопясь отпирать его, Лика вышла из машины и снова замерла. Если гараж сообщается с домом, то перед отъездом Анжелка тоже могла его поставить на сигнализацию, о которой она, Лика, ничего не знает. Всю дорогу, пока ехала, она твердила себе: «Я – Лика! Лика!» Этим вариантом имени она вроде как приближала себя к той новой жизни, в которую вступала сейчас, и в то же время дифференцировала себя с предшественницей, которую упорно продолжала называть Анжелкой, в те моменты, когда вынуждена была думать о ней, хотя и старалась избегать этих мыслей. Но вот именно сейчас пришлось о ней снова подумать. Тогда, когда она не могла даже зайти в свой новообретенный дом, не зная, что за сюрпризы приготовила в нем незваным гостям предыдущая хозяйка. Что ж, значит, откладывать финальный акт всей задуманной Ликой аферы

больше нельзя, и придется осуществлять его прямо здесь, на улице. Она огляделась, выискивая во дворе подходящие камни, неровности, выступы. Нужно было быть полной идиоткой, чтобы надеяться на успех всей задуманной подмены, основываясь лишь на поразительном внешнем сходстве с Анжелкой. Нет, Лика прекрасно понимала, что в ее жизни будет теперь масса подводных камней. Та же, к примеру, сигнализация в доме и пин-код от кредиток. Или Анжелкины знакомые, не попавшие в поле ее зрения из-за того, что не общались по Интернету. Любой из них мог к ней подойти, окликнуть, заговорить. И у нее должно быть веское оправдание тому, что она уставится на них как баран на новые ворота, не зная ни кто они, ни как их зовут.

Отдельного камня Лика не нашла, но облюбовала рельефный каменный бордюрик, ограждающий площадку перед гаражом. Постояла, решаясь. Она была неизбалованным человеком, привыкшим в этой жизни к жестокому обращению. Но одно дело было получать травмы извне, по мере сил уклоняясь от них. И совсем другое дело – наносить их себе самой, подавляя инстинкты самосохранения. Именно из-за этих инстинктов, пока они еще не активизировались, не стоило медлить. Как и с покушением на Анжелку – сейчас или никогда! Лика крутанулась на ноге, расслабила голеностопный сустав, так, что он подвернулся, пронзив тело неожиданно острой болью. Но она не скорчилась, заставила себя терпеть! Пусть это будет ей возмездием за то, что она натворила, пусть! И

Лица начала падать, прямо на бордюр, так и не позволив сработать своим защитным инстинктам.

2

Выбравшись из своего финансового кризиса, Ира все никак не могла забыть ту спасительную купюру, что так временно упала ей под ноги. Не шел у нее из головы призыв о помощи, который она там прочитала. Кто он был, этот ее неожиданный благодетель, который ей помог, а она которому помочь не смогла? Что ему было нужно? В конце концов осознав, что этот вопрос так и не даст ей покоя, Ира снова пошла к тому дому, у которого купюра спланировала ей на голову. Других вариантов появления денежки она не видела, потому что достаточно сильного ветра, способного донести сюда купюру откуда-то еще, в тот вечер не было. Ира постояла перед домом, рассматривая фасад. Девятиэтажка, огромный «корабль», построенная еще в советские времена. Мирные ряды балконов и окон. И, как тогда, ни в одном из них не мелькнуло хоть что-либо подозрительное. Но сегодня Ира никуда не торопилась, специально сюда шла. Так что, определив нужный подъезд, она решила обогнуть дом и зайти с другой стороны. К ее радости, на скамейке возле подъезда сидела старушка.

– Здравствуйте! – Ира подошла к ней. – Вы здесь живете?

– А что? – если раньше старушки на лавочке были всегда готовы побеседовать с любым прохожим, то ныне настали не те времена. И наверняка зная о всяких торговых агентах и

прочих аферистах да террористах, бабуля для начала насто-
рожилась.

– Да у меня тут дело такое... деликатное, – и Ира изложи-
ла старушке историю про упавший листок, не уточняя толь-
ко, что это была купюра – постеснялась, вдруг ее заподозрят
в корыстных мотивах, хотя на самом деле она теперь была
готова вернуть деньги владельцу. При условии, что он оты-
щется и назовет в качестве доказательства номинал.

– Да... дело, – выслушав ее, вздохнула старушка. – Но что
ж ты так поздно хватилась-то?

– Да я и раньше пыталась, сразу. Но так и не смогла по-
нять, из какой именно квартиры это могло прилететь. Потом
как-то времени не находилось, работа-то обещает быть кро-
потливой. Надо же все квартиры обойти, жильцов расспро-
сить. Хоть и поздно, но не дает мне покоя мысль о том чело-
веке, если только это не шутка была.

«Шутка на купюре», – мысленно уточнила Ира. Верилось
в это с трудом.

– Ну, в подъезд-то я тебя впусти, – согласилась старушка. –
А вот по квартирам... Первый этаж сразу исключить можно.
Второй – тоже. Не потому, что низко, а потому, что я там
живу да мои подружки, я их всех хорошо знаю. Дальше...

Благодаря умозаключениям собеседницы, неплохо знаю-
щей соседей, круг Ириных поисков значительно сузился. До
трех квартир из тридцати шести, имеющих в подъезде. Од-
на из них сдавалась, так что старушка понятия не имела о

том, кто вообще там сейчас живет. В другой жила очень замкнутая семья, чуть ли не сектанты, так что о ней Ирина собеседница могла сообщить лишь общие анкетные данные. В третьей жил мужчина, с которым жилплощадь разделяли то его друзья, то какие-то женщины, на взгляд старушки, никак не подходящие ему в спутницы жизни. Кстати, в этой квартире не так давно трагедия произошла, когда одна из жилищек выпала из окна и разбилась. Но к Ириному делу это, скорее всего, не относится, потому что падение расследовали и признали несчастным случаем. Вроде балконная дверь захлопнулась, когда женщина была снаружи. Так как дома никого не было, то она попыталась перебраться на смежный балкон, к соседям. Но перила оказались гнилые, она слишком налегла на них и в итоге сорвалась. Так и упала, сжимая в руке отломившийся кусок. Могла ли она сбросить с балкона записку? Вряд ли. Ей куда проще было бы крикнуть. Да и Ира ее бы заметила, стоящую на балконе. Хотя кто знает, люди-то всякие бывают, со странностями. В общем, тоже надо проверить. Так что две квартиры на седьмом этаже, одна – на восьмом. А насчет остальных Ира может не заморачиваться. Кстати, добавила старушка, было бы неплохо, если бы Ира рассказала ей о результатах своих поисков, заглянув к ней на огонек. А она, в свою очередь, тоже постарается собрать кое-какие сведения о жильцах – авось все-таки пригодится. На том они и расстались. Старушка осталась сидеть на скамеечке, приветствуя соседей, возвращающихся с работы домой.

А Ира вошла в подъезд, повторяя про себя номера квартир, которые ей стоило навестить.

* * *

Перед падением Лика опасалась, что не сможет достаточно сильно ударить себя, что ее травма головы окажется слишком незначительной, такой, какая не позволит ей попасть в больницу, а потом обмануть врачей, списав на случившееся мнимую амнезию. Но на самом деле она даже слишком переусердствовала. Потому что действительно потеряла сознание, да так, что очнулась уже не во дворе, а в больнице. Открыла глаза, обвела взглядом палату. Точнее, потолок и верхнюю часть стены, потому что для большего обзора надо было шевелить головой, а делать этого категорически не хотелось. Лика снова закрыла глаза. Если она здесь очутилась, то, значит, кто-то ее нашел? Хорошо, что так, что были свидетели ее травмы. Еще лучше, если эта новость разнесется по ее знакомым... точнее, по тем, кто ими теперь должен стать. Тогда ни у кого не возникнет вопросов, даже если окружающие будут замечать некоторые странности в ее поведении. На это Лика и рассчитывала, решаясь упасть. Но переборщила, да. Оставалось только надеяться, что ничего никому не выболтала лишнего, пока находилась в бессознательном состоянии. И радоваться тому, что действительно память не потеряла после такого удара. А ведь могла! Но нет, с этим все

было в порядке. Она помнила и свой побег от Ваньки вкупе с коллекторами, и весь тот кошмар, который ей пришлось пережить в тихом южном городке у самого моря. От этих воспоминаний в Лике что-то съежилось, прямо как бумажный листок, охваченный огнем. Она ли там была, она ли смогла сделать все это? Лика поднесла руки к лицу, обнаружив под пальцами повязку.

– Очнулась, – почти сразу констатировали над ней. Оказалось – симпатичная девушка в медицинском костюме салатного цвета. – Как самочувствие? Обезболить надо?

– Не знаю, – прошептала Лика, едва шевеля губами. – У тебя зеркало есть?

– Зеркало найти не вопрос, но много ли ты там сейчас увидишь? Бинты. Лучше завтра взгляни на себя во время перевязки. Да и то, наверное, не стоит пока. Сейчас, пока синяки не сошли и отек не спал, только расстраиваться будешь. А по факту, скорее всего, останется лишь аккуратно зашитый доктором шрамик в лобно-височной области, который вполне можно будет челкой прикрыть.

– Ты меня сейчас утешаешь? Или готовишь к худшему?

– Поверь, шрам на краю лба – не худшее, что может быть с человеком.

– Верю, – охотно согласилась Лика. Не могла знать эта сестричка того, что ее пациентка уже успела и смогла пережить. Даже половины. И поделиться бы сейчас с кем-нибудь; если не покаяться, то хотя бы излить душу. Но нельзя! Ни

в коем случае! Усугубленная телесным недугом, душевная тяжесть дала о себе знать выступившими на глазах слезами.

– Так, а вот это уже лишнее! – тут же среагировала медсестра. – Сделаем-таки укольчик. А там уж... короче, утро вечера мудренее.

Мудренее или нет, но утром Лика ощутила некоторый прилив сил. Выслушала врача, все-таки взглянула на себя в зеркало во время перевязки, немного поела. Ходить ей пока запретили – сделанная томография показала ушиб головного мозга. Но вот посетителей к ней разрешили пускать. И вечером к Лике пришла «первая ласточка».

«Настена!» – тут же опознала Лика возникшую на пороге девушку, одну из завсегдатаев Анжелкиной, а теперь – ее странички в соцсети.

– Ликочка, солнышко, здравствуй! – та присела перед кроватью на стул. Оглядела лежащую каким-то странным взглядом. И вдруг тихо, совершенно другим голосом, холодно и жестко, произнесла: – Ну вот, стерва крашенная, теперь и ты попала ко мне в компанию, – она коснулась размытого шрама у себя на щеке. – Сколько я от тебя подколов, сколько издевок выслушала? Если бы не ты, многие этого шрама и вовсе бы не заметили. Но ты старалась! А теперь и я не останусь в долгу, будь уверена. Жаль, что у тебя только лоб! Не могла, к примеру, переносицей долбануться?

– Прости... не получилось. Но ты и не заказывала, – тихо ответила Лика, в то же время думая, что Анжелка на ее ме-

сте, наверное, сейчас за такие слова истерику бы со скандалом этой посетительнице закатила – насколько Лика успела узнать из переписки, это было в Анжелкином духе. Но лично у нее, еще с утра растратившей весь свой небольшой ресурс энергии, сейчас уже не было на это ни желания, ни каких-либо сил. Только слабость, апатия и камень в душе. Настена от ее слов, кажется, тоже лишилась большей части воинственности. Как-то даже растерялась, еще больше утверждая Ликой во мнении насчет скандала. Но Лика, больше не обращая на нее внимания, просто закрыла глаза. Ей было все еще плохо.

– Ладно, – услышала она ставший куда более мирным голос Настены. – Лежачего не бьют, так что потом поквитаемся. А пока давай все-таки поправляйся, чтобы мне недолго было этого ждать. Я вот тебе тут принесла, – она положила пакет на тумбочку. – Без яда, не бойся. Не с пустыми же руками к тебе было идти. Ну, бывай! Сказали, долго у тебя не сидеть.

– Спасибо, – ответила Лика, не открывая глаз. И уже в спину уходящей Настене спросила: – Не плевала, надеюсь, тоже? Ладно я, а то ведь могу и людей угостить.

– Угощай, не сомневайся, – после небольшой паузы ответила затормозившая посреди палаты девушка и наконец-то вышла за дверь.

Лика осторожно пошевелила бровями, пытаясь разогнать накатившую головную боль, как будто от какого-то психического удара, нанесенного посетительницей. Хотя на самом

деле все было проще: ее не слишком здоровая голова просто протестовала против своего включения в работу. Но Лике необходимо было ею пользоваться. Надо впитывать в себя окружающее, узнавать по виденным ранее фото тех, кто еще к ней придет, вслепую прощупывать их истинные отношения с Анжелкой, потому что «сюси-пуси» в сетях были, судя по первому визиту, просто фальшивкой, ширмой, за которой скрывалось все подлинное.

Так оно и получилось! Лика крепла с каждым днем и продолжала принимать гостей, все больше утверждаясь в своем предположении. Анжелку в ее окружении не любили! Или, по крайней мере, недолюбливали. За ее эгоистичность, за ее безжалостное ехидство и слишком острый язык. После визита Настены у Лики еще не раз возникало ощущение, что к ней пришли позлорадствовать, а не посочувствовать. И многие были сбиты с толку ее спокойным отношением к произошедшему, ожидая явно другой реакции. Но теперь многое, в том числе и смену ее поведения, можно было списать на полученную травму. В своих беседах с врачом Лика неоднократно жаловалась на провалы в памяти. Ее осматривали, назначали очередное лечение. Но человеческий организм – не машина, капот не откроешь, чтобы посмотреть, как идут дела. И, получая свои капельницы да принимая таблетки, Лика продолжала сетовать на то, что чувствует себя далеко не лучшим образом. В итоге, прикрываясь нездоровьем и частичной амнезией, она сразу после выписки смогла уладить

дела и с домашней сигнализацией, и с восстановлением пин-кода от банковской карты. Предстояло еще много работы, но главное было сделано, и она вошла-таки в этот дом!

Но войти оказалось гораздо легче, чем начать жить. Дом был просто шикарен! Двухэтажный, просторный, с большими окнами, очень уютный, светлый. В первый день после выписки Лика все ходила по комнатам, изучая, где что находится. Осознавая, что дом принадлежит теперь ей. Но каждый раз вздрагивала, когда в поле ее зрения попадало отражение в зеркале. И вздрагивала не от собственного вида – привыкнув к первоначальному зрелищу раны и синяка, теперь, на стадии застывания первой и рассасывания последнего, она реагировала на свою внешность далеко не так болезненно, как вначале. Нет, просто ей каждый раз казалось, что оттуда, из зеркальной глубины, за ней ревниво наблюдает прежняя хозяйка этого дома – Анжелка. Наблюдает и безмолвно грозит отомстить. Не выдержав даже недели, Лика вынуждена была снять часть зеркал, заменив их на панно или картины. И спать ложилась только со включенным светом, поставив в изголовье икону. Понимала, что она преступница, убийца, защищать которую у Господа мало причин, но все же надеялась, что в выборе между ней и нечистой силой, призраком, он все же предпочтет защитить ее. Думала ли Лика, решаясь на свое преступление, что ей потом будет так страшно жить? Нет, даже не подозревала всего! Того, что совесть не будет давать ей покоя, периодически, особенно под вечер,

захватывая все ее существо и заставляя корчиться, как рыбку на раскаленной сковороде. Или, например, того, что, изредка просыпаясь ночью в туалет, она долго будет зажиматься, прежде чем набраться храбрости и выбраться из кровати. Только это, и ничто другое не могло заставить ее в ночное время вылезти из-под одеяла. А когда она все же решалась добраться до туалета, то кралась с вырывающимся из груди сердцем, всюду у себя на пути первым делом включая свет. В такие моменты она уже начинала подумывать, а не взять ли ей на вооружение памперсы: противно, некомфортно, но зато не страшно. Но пока держалась, как альтернативу рассматривая вариант с подселением. Пустить пожить в этот дом хоть кого-то, хоть одну живую душу, чтобы не было так пусто и страшно в ночное время. Пока, кроме нее самой, сюда лишь два раза в неделю приходила уборщица. Лике она была не особо нужна, наводить порядок она и сама умела. Но не стала отказывать женщине, способной не просто пройтись с тряпками-пылесосом по комнатам, но еще и призраков там разогнать. К тому же женщина напомнила Лике ее саму в прошлой жизни, когда она вот так же готова была хвататься за любую поденную работу, чтобы как-то концы с концами свести. Так что она не возражала, увидев свою работницу в первый раз, лишь спросила ее перед уходом, с болезненной гримасой коснувшись рукой головы: «Напомните, сколько я вам платила?» Та назвала сумму, преувеличив или нет – Лика не стала бы этого выяснять, даже если бы

имела возможность. И с тех пор ждала ее прихода как спасения, хотя днем ее вообще-то отпускало, и Лика откладывала принятие решения о возможных квартирантах на потом. Тем более что и позвать к себе ей было некого. Не находила она в своем окружении друзей, они лишь так назывались, по официально утвержденному статусу в соцсети. Еще переписываясь с Анжелкой, Лика подозревала, что так оно и есть, но не представляла себе, как та глубоко одинока. Красивая, богатая, успешная, посещающая всякие мероприятия и вечеринки. А что за всем этим? Сплетни и пустая светская болтовня, не приправленная никакими хоть сколько-нибудь теплыми чувствами. Даже читая на страничке сочувственные отзывы на свою травму, Лика не видела в них большой искренности. Скорее это была просто дань вежливости. Сухо поблагодарив всех написавших, Лика почти перестала выходить в сеть. Лишь просматривала сообщения по почте, очень немногочисленные. Пока не натолкнулась на одно, для нее совсем неожиданное: «...Анжелика, я понимаю, что после случившегося вам пока не до работы, но все же хотела бы, чтобы нашу спальню оформили именно вы. Как будете в состоянии, позвоните мне, чтобы обсудить этот вопрос...» Незнакомка подписалась как Этель. Пошарив в телефоне, Лика нашла абонента с таким же именем – оказывается, раньше та уже общалась с Анжелкой. И задумалась. От нее ждут звонка, и позвонить придется в любом случае. А дальше что? Отказаться от предложенной работы? Но на что она тогда бу-

дет жить? Деньги, сколько б их ни было на счетах у Анжелики, все равно рано или поздно начнут заканчиваться. А что потом? Снова, как и при Ваньке, хвататься за все подряд? Нет, это она раньше так могла. А теперь будет выглядеть как минимум странно, если дипломированный и широко известный специалист пойдет в какой-нибудь ночной бар мыть посуду или еще что-то в этом же роде. Так что оставалось одно: дерзнуть и взяться за дело. Именно сейчас, когда профессиональные ляпы все еще можно будет списать на ее недомогание. А ляпов наверняка будет не избежать, у нее же нет образования, ровным счетом никакого. Хотя тяга к дизайнерству имелаась с тех пор, как Лика себя помнила: еще в детстве она любила помечтать, как обставила бы свой дом, если бы он у нее появился. Детально, с картинками, каждый раз по-новому. Любила, когда была возможность, заходить в мебельные магазины. Замирала там, запоминая и впитывая, а потом рисуя в уме свои интерьеры. А еще воспитатели обращались к ней за советами, когда надо было сделать перестановку, оформить зал к празднику или завезти новую мебель. Но то была детская забава, за которую никто не платил ей деньги... а сколько, кстати, за это вообще берут? Лика понятия не имела. Набрала номер, надеясь на авось. Пообщалась, договорилась о встрече на завтра. И даже испытала какое-то облегчение просто при мысли о том, что хоть куда-то выедет из своего прекрасного дома, в котором и с ума вполне можно было сойти. Нет, надо, надо что-то в этой жизни менять!

С этой же мыслью, после очередной не очень спокойной ночи, Лика села в машину и тронулась в путь, пользуясь навигатором. Он привел ее к центру, к дому из старого фонда, с толстыми стенами и высокими потолками, в котором у за-казчицы оказалась роскошнейшая квартира. И сама она выглядела роскошно – ухоженная платиновая блондинка, с минимумом косметики на красивом лице, изящная, стройная. У нее за плечом маячил то ли взрослый сын, то ли муж, откровенно моложе, несмотря на то что одна лишь Этель могла с точностью назвать свой настоящий возраст.

– Здравствуйте, Лика! – Этель оглядела ее лицо со шрамом и остатками расплывшегося синяка: – Боже, как же вы так?

– Теперь уже все позади, – Лика прекрасно понимала, что подробности ее падения на самом деле женщину мало интересуют. – Так что давайте приступим к делу. Честно признаюсь, я не совсем еще в норме, но постараюсь сделать все, что смогу.

– Да, пойдете, – без лишних слов Этель со своим спутником проводила Лику в спальню, которую хотела переделать.

«Все-таки муж, – заключила Лика, уловив те взгляды, которые он бросал на хозяйку квартиры. – Или любовник. Но точно не хозяин. Хозяйка – она. Значит, на нее и надо ориентироваться. Как Анжелка делала». Придя к такому заключению, она принялась задавать наводящие вопросы о том, что бы Этель хотела здесь видеть.

– Решение за вами, Лика, – ответила та. – Я слышала о вас как о специалисте, который умеет гармонизировать интерьер с владельцами жилья. Осмотрите здесь все, и в течение ближайшей недели я буду ждать от вас результатов.

– Хорошо, – Лика начала прохаживаться по комнате. Но на самом деле ее интересовал всего один вопрос: сумеет ли она сделать качественный рисунок? Анжелкины эскизы, сделанные не на компьютере, а от руки, она видела, перебрала все те, что лежали в папке, в верхнем правом ящике рабочего стола. В ближайшее же время, раз обстоятельства так диктуют, надо будет браться за освоение графических программ, установленных у Анжелки в компьютере. А пока что Лика попробует нарисовать похоже. А что именно – она уже знала! Была ли это наследственная предрасположенность или проснувшийся талант – неизвестно. Но новая спальня уже стояла у нее перед глазами. В перетекающих тонах, с нестандартными шторами, с оригинальным решением освещения, с полированной мебелью, украшенной инкрустацией. Лика даже не знала, как это правильно называется, надо будет книги Анжелкины полистать. Но знала одно: на фоне этого интерьера сама хозяйка, изящная Этель, должна будет смотреться божественно. А что еще нужно женщине от ее спальни? Женщине, имеющей молодого мужчину? Вряд ли что-то другое! И Лика, попрощавшись, отправилась домой с твердым намерением не сорвать выполнение этого заказа. Провела под своей крышей первую относительно спокойную

ночь, потому что даже и не ложилась, и не выключала большой свет. Иногда возникало ощущение, что кто-то сверлит взглядом ей спину, но это было все же лучше, чем внезапно проснуться с ощущением того, что над тобой сейчас кто-то стоит. И лежать, не смея открыть глаза, лишь в диком страхе повыше натягивая на себя одеяло. Нет, сегодня она была поглощена работой, и хоть было все равно жутковато, особенно перед самым рассветом, когда разум уже готов отключиться, зато все чувства оказываются обострены до предела, но дело шло полным ходом. Стены... пол... потолок... окно. Рисовала Лику не так хорошо, как Анжелку, но, глядя на ее рисунки, выложенные для наглядности на стол, очень старалась, чтобы было похоже.

Основную работу она сделала за три дня, прерываясь только на сон, когда уже отключалась прямо за столом, и на еду, когда живот совсем подводило. Работала с компьютером. Потом, сообразив, что каждый дизайнер должен иметь контакты с какими-то фирмами, изучила полный список Анжелкиных абонентов. Некоторые абоненты в телефоне значились как «Коля-мебель», «Витя-диваны» и прочее. И это наверняка были постоянные Анжелкины поставщики. Лика созвонилась с ними, вызвав некоторое удивление манерой общения, но все объяснив: оказалось, что в городе были еще такие уголки, где никто не знал о ее травме. В том числе и в мебельном магазине, и в мастерских. Она съездила туда, она изучала их каталоги, впитывая все, как сухая губка. Сделала

несколько корректировок в своем первоначальном эскизе. И когда решила для себя, что довольна результатом, созвонилась с Этель, чтобы привезти к ней эскизы домой. А потом, затаив дыхание, ждала, пока заказчица их рассмотрит. Одна только мысль и билась в мозгу: понравится ей или нет? Если нет, то в следующий раз Лике крайне трудно будет побороть свои комплексы и решиться на повторение эксперимента.

– Знаете... – Этель задумчиво умолкла, отвела от себя подалеже руку с одним из эскизов. – Вот тут вы хотите повесить серебряное зеркало, я так понимаю?

– Да, – отвечая, Лика приложила все усилия к тому, чтобы голос не дрогнул. – Оно должно быть именно такой формы и именно из полированного серебра.

Сказала – и замерла, снова стараясь не сутулиться. Не могла она вести себя так уверенно, как Анжелка. Как ни пыталась. Нет, сейчас бы самое время присесть на стульчик да стакан воды попросить. Что еще скажет Этель, как отнесется к ее работе? Сколько она еще будет все рассматривать и оценивать? Когда уже, наконец, вынесет свой вердикт? Но, поняв, что сейчас его услышит, Лика вообще была готова упасть, но придержалась рукой за стену.

– Что с вами? – встревожилась Этель. – Вам все еще плохо после того случая? Сядьте. – Она сама принесла Лике стакан воды, о котором та не решилась попросить. И, подождав, пока Лика из него отопьет, подытожила: – Мне нравится ваша работа. Признаться, я ждала несколько иного решения,

но ведь для того и обратилась к вам, чтобы вы смогли меня так приятно удивить. Это сочетание благородного металла со струящимися формами и шелкографией... этот свет... в этом столько заключено, это так гармонично! Я закажу такое зеркало, хоть оно и недешево мне обойдется. А кто ваши постоянные поставщики?

– Я пришлю вам их адреса по электронной почте. У меня была травматическая амнезия, поэтому сейчас приходится даже прописные истины вносить в записную книжку. – На самом деле Лика просто не могла признаться, что не запомнила сразу всех тех, с кем общалась лишь несколько предыдущих дней.

– Хорошо, – согласилась Этель. – Постарайтесь сделать это сегодня. И поправляйтесь, Лика. Вы действительно талантливы.

О гонораре за работу Этель даже не заикнулась, а Лика постеснялась напомнить о нем. Насколько она знала, в последнее время Анжелка не делала работ «под ключ», продавая лишь эскизы. Так, может, ей было уже уплачено наперед? И опять же, сколько она должна была запросить за свою работу? Она пыталась выяснить это через Интернет, но никто не озвучивал там стоимость подобных заказов, соглашаясь обговаривать ее только при личной встрече. На которую Лика, как личность известная, пойти, естественно, не могла, ибо что могло быть абсурднее, чем найм одного дизайнера другим? Так что, пустив все на самотек, Лика просто отпра-

вила Этель контакты поставщиков.

Под вечер все было полностью завершено. И весьма неплохо. Дело тронулось, почин был положен. Так что, пренебрегая рекомендациями врачей, Лика решила обмыть это событие вином, найденным в баре. Пила в полном одиночестве. Даже зеркало не посмела поставить на стол в качестве собутыльника. Зеркало особенно. Даже несмотря на то, что после пары выпитых бокалов было уже не так страшно, как обычно. За свою недолгую, но богатую на события жизнь она привыкла быстро осваиваться в тех домах и квартирах, в которых иногда приходилось ненадолго обосноваться, с их сануздами, кухнями, бытовой техникой и чужими кроватями. Не имея своего, она даже и не представляла, как можно брезговать чьим-то. В ее собственной квартирке тоже было собрано немало того, что попросту отдали добрые люди. Отмыла, починила, выстирала – и в дело! А еще для нее со времен детдома было вполне естественным одалживать вещи, самой и другим. Так что и здесь, как жилплощадь, так и Анжелкины вещи она взяла в оборот без особых проблем. Но это с практической точки зрения. А оставалась еще психологическая. Восхищаясь домом, она никак не могла при этом забыть, какой же ценой она им завладела. И Анжелкин призрак... точнее, постоянное ощущение того, что он может вдруг появиться... не давал ей покоя. Сейчас отступил, но надолго ли? И как скоро Анжелка снова начнет выглядывать на нее из зеркал и вставать над ней по ночам? И как долго

еще Лика это сможет выдержать? Совершенно одна, почти никуда не выходя, почти ни с кем не общаясь? Нет, надо это прекращать! Надо менять эту жизнь, срочно и кардинально! Сегодня она справилась с важным делом, и пусть это будет отправной точкой дальнейших перемен. На сайт знакомств, что ли, выйти? Хотелось бы, но сейчас для этого не самый удачный момент. Не смея подойти к зеркалу с наступлением темноты, Лика провела рукой по лицу. Она знала, что багровый шрам виднеется из-под волос и что следы синяка еще растекаются разводами по лбу и щеке, но теперь уже не было боли. Так не обратиться ли ей в косметический салон? Там и лицо быстрее приведут в норму, и всю ее в целом. Анжелка была вон какая ухоженная. Значит, регулярно куда-то ходила. Опрокинув еще стаканчик вина, Лика, уже в который раз за прошедшие дни, стала копаться в телефоне, важном для нее источнике информации. И нашла там взятое в кавычки «Афродита». Было ли это то, что ей нужно, или нет, а завтра стоило по этому номеру позвонить. А пока... если призрак явится к ней этой ночью и захочет утащить с собой, в загробный мир, то пусть она при этом ничего не почувствует. Лика снова наполнила стакан. В этом доме она не проспала спокойно ни единой ночи, с самого первого дня своей выписки из больницы. Иногда, перед отходом ко сну, даже мелькала отчаянная мысль уехать подальше, снять номер в гостинице. Но она не была уверена, что Анжелка и там не начнет ее преследовать. Неупокоенная душа, жертва убийства. Ин-

тересно, нашли ли ее? Закрыли ли дело? И похоронили ли? Лика не могла получить ответов на эти вопросы, но они тоже мучили ее, не хуже зазеркального призрака. Теперь оставалось только жалеть, что она вообще на все на это решилась и что, спохватившись, не успела вовремя вытащить Анжелку из ванны. Оставалось терпеть то, что выпадало на ее долю сейчас как заслуженное наказание. Бессонные ночи, месть с того света. Снова вспоминая тот страшный день, Лика расплакалась. Нет, не в радость ей было то, что она обрела!

Наутро Лика встала с помятым лицом, потому что всю ночь проспала, уткнувшись им в подушку. Но зато ощутила в себе прилив сил и бодрости, впервые за многие дни прекрасно выспавшись. Всегда бы так! Однако так и спиться недолго. Она приняла душ, позавтракала. И решила, что наконец-то надо узнать, номер какой «Афродиты» забит в телефоне. Оказалось – не ошиблась, и это был действительно салон... или центр. «Зевс и Афродита». В нем было все – и косметические процедуры, и массаж, и зал фитнеса. На фитнес ей точно еще не стоило идти, а вот к косметологу и на массаж... Лика взялась договориться, ей назначили время и встретили, сочувствуя куда искреннее, чем все те, с кем ей приходилось общаться до сих пор. Сочувствие было бы очень приятно, если б она не понимала, что оно было оплачено из ее кошелька. Но за неимением лучшего сошло и это. Она благодарно покивала в ответ на теплые слова, а потом доверила себя мастерам своего дела, таким, в чьи руки ей

еще никогда не доводилось попадать, и она даже мечтать об этом никогда не смела. Просто даже не подозревала, какое это неземное удовольствие – вытянуться в косметическом кресле или на массажном столе и довериться заботе профессионально ласковых рук, забыв обо всем остальном окружающем мире. Под конец, когда она вышла из душа, смыв с себя остатки какого-то средства после косметического обертывания, ее встретил перед дверью симпатичный молодой человек спортивного вида. Увидев его, Лика машинально прижала руками верхний край простыни, своей единственной одежды на этот момент. Но он этого, кажется, даже и не заметил, и Ликина фея-массажистка, тоже оказавшаяся здесь, ничего ему не сказала, как будто такое появление было в порядке вещей. Лика насторожилась: а не Анжелкин ли это любовник? Ведь что она знала о ее личной жизни? И как вот ей сейчас на него реагировать? Но тут мужчина наконец заговорил. Был кто-то у Анжелки или нет, а сейчас дело оказалось совсем в другом: этот оказался ее тренером.

– Анжелика, мне рассказали про твою травму! Очень сожалею! Если тебе пока противопоказано заниматься, то я возьму на твоё время другого клиента. Ты не против? Как только ты восстановишься, мы с тобой приступим к занятиям, когда тебе будет удобно. А деньги за прошедший месяц мы тебе перекинем на следующий. Обычно клуб так не делает, но мы дорожим своими постоянными клиентами и готовы пойти навстречу. Тем более что все твои прогулы были

по уважительной причине.

– Спасибо, – только и нашла что сказать Лика.

Потом, уже одевшись, заглянула-таки в фитнес-зал, не отходя далеко от порога: если она там завсегдаятай, то не мешало хотя бы осмотреться и подслушать, как зовут этого ее тренера. А заодно хоть понять, как какими тренажерами пользуются. Да и вообще уходить не хотелось. В пустой дом с подкарауливающим ее там призраком она всегда успеет вернуться. А здесь было движение, было много людей, здоровых и энергичных, что вдвойне радовало глаз.

– О, Анжелка! – коротко стриженная блондинка лет тридцати пяти, очень спортивная, вся подтянутая, остановилась с ней рядом. И едко поинтересовалась: – Что, на процедуры приходила? Отпечатки кирпича с лица удалять?

– Не кирпича, а бордюра, – поправила Лика, оглядев внезапную собеседницу. Снова, в который раз, вспомнила про осанку: не сутулиться! Не втягивать голову в плечи, словно ожидая нападения и готовясь оборону держать! Наоборот, выпрямить спину и спокойно попытаться понять, кого же она тут встретила. Память тут же услужливо подсказала: Дана. Тоже из разряда «друзей», не упускающих случая ее сейчас подколоть.

– Боярова, – Дана немного растерялась. Так же, как и Настена, и многие другие, кто приходил к ней еще в больницу, преимущественно позлорадствовать, и явно ожидал, что она в ответ на их подколы и откровения вспылит не на шутку. –

Ты что, об свой бордюр не только головой, но еще и характером стукнулась? Тебя не узнать.

– А что, ждешь, чтоб я тебе истерику закатила? Прости, но на это сил сейчас нет. Так что принимаю заказы на будущее, но точных сроков исполнения не гарантирую.

– Да... – протянула Дана. – С тобой точно что-то не то.

Лица лишь пожала в ответ плечами. Она и сама уже поняла, что их с Анжелкой характеры резко различались. Но что теперь делать? Переделывать себя ей под стать? Не хотелось. Хотя бы потому, что Ликина натура была против Анжелкиной стервозности. Да и ради чего это все затевать? Ради того, чтобы все окружающие по-прежнему тебя лишь терпели? А стоит ли ради такого стараться? Или остаться самой собой и эти перемены в характере тоже на травму списать? Но не много ли всего она пытается повесить на удар об бордюр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.